

ИГОРЬ ЛЫСОВ

РЕЙТИНГ АСУРИ

Игорь Лысов
Рейтинг Асури
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67666772

Рейтинг Асури: ИД «Городец»; Москва; 2022

ISBN 978-5-907483-37-8

Аннотация

Жизнь в Байхапуре, идеальном городе-государстве, зависит от показателя рейтинга, который контролирует система искусственного интеллекта. Нулевой уровень преступности. Потенциально опасные элементы, чей рейтинг опустился ниже определенной отметки, изолируются от общества и перемещаются за стену без возможности возврата. Профессор Афа Асури, создатель системы, получает всемирное признание и Нобелевскую премию. Внезапно его личный рейтинг начинает стремительно падать, рискуя опуститься до той самой границы. Он считает, что это всего лишь сбой программы.

Содержание

I	7
II	10
III	14
IV	19
V	26
VI	29
VII	39
VIII	46
IX	56
X	64
XI	70
XII	74
XIII	81
XIV	87
XV	108
XVI	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Игорь Лысов

Рейтинг Асури

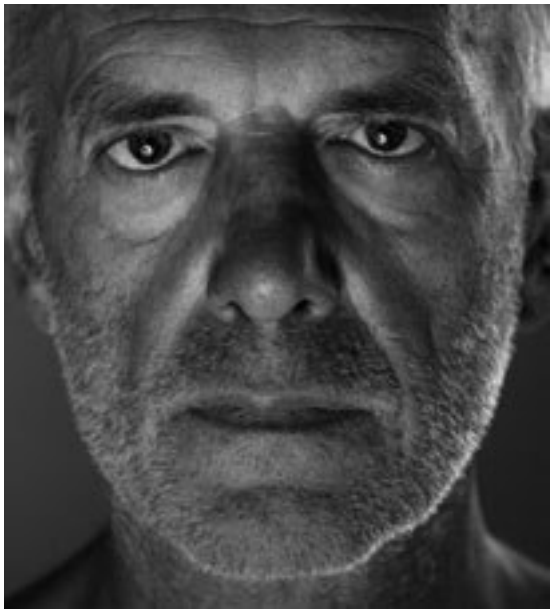
*Бог посмотрел на все, что Он создал, и все было
очень хорошо.*

Книга Бытия, глава 1, стих 31
(новый русский перевод)

© И. Лысов, 2022

© ИД «Городец», 2022

* * *

Игорь Лысов родился в Новосибирске и всю юную жизнь путешествовал за родителями – инженерами. Одинадцать лет отдал альпинизму. Остальное время – театру, кино, фотографии и литературе. В свободное время изучал человека и его чаяния. Руководил театрами в Москве, России и Эстонии. Написал семь пьес, три романа и учебник

по фотографии. Читает лекции по актерской философии. Живет вместе с архитекторами, актерами и кинооператорами в одной квартире.

I

Нобелевский лауреат профессор Афа Асури еще раз пожал руку молоденькой переводчице Ингрид и вышел из отеля. Человек у такси аккуратно складывал саквояж и несколько пакетов в пластиковый бокс, служитель гостиницы важно стоял наготове с печатью в руках. Ловко хлопнув липкой лентой и штампом по белому пластику, служитель по-дружески отдал честь новоиспеченному лауреату.

Дверь автомобиля учтиво придерживал мужчина от администрации отеля – ему предстояла почетная миссия проводить Асури прямо до трапа самолета. И как ни убеждал Афа, что ему гораздо удобнее добраться до аэропорта вместе с Ингрид, правила были незыблемы даже для такого важного гостя. Хотя, боже мой, сколько лауреатов, президентов и гениев перевидал этот отель!

Такси мягко двинулось по красному ковру, расстеленному вплоть до миниатюрного складного шлагбаума, и исчезло в потоке своих собратьев. Афа смотрел в окно на мелькающую северную архитектуру, вынужденно слушая подробную инструкцию работника отеля. Подняв очки на уже влажный от ответственности лоб, менеджер скороговоркой и почти шепотом прочитал все слова, цифры и даже мелкошрифтное предостережение о провозе нежелательного багажа. Отложив билет, работник отеля достал еще один листок

— ксерокопию индивидуальной карточки профессора Асури, прошептал идентификационный номер, сличил его с цифрами на авиабилете, отер лоб платком шотландской расцветки, восстановил положение очков и вежливо уставился на Асури. Афе совсем не хотелось говорить, он прощался со Швецией, которая нечасто баловала декабрьским солнцем и сухим асфальтом даже своих жителей, что уж говорить о приезжих нобелевских лауреатах.

Премию профессор Асури получил по праву: двадцать лет он провел за письменным столом. Комиссия даже не сразу подобрала правильную номинацию: многотомная монография «Эволюция мыслительных констант Homo Sapiens» оказалась еще и прекрасной литературой, а не только сумасшедшим по своей ясности анализом человеческих привязанностей. Последний том в двух отдельных книгах вообще оказался бестселлером: в нем Афа изложил нерадостное будущее человечества (исключительно из-за потакания собственному мышлению).

Афа создал целую науку истории мышления, собрал в единый институт умы современности, куда потянулись и гранды мирового бизнеса: никому не хотелось ошибиться или просчитаться, угадывая запросы человечества.

Стокгольм кончился, и теперь только сосны иногда приоткрывали воду сразу нескольких озер, изредка мелькали одинокие домики. Съехав с трассы, такси мгновенно вернулось

в урбанистику. Только теперь веяло не теплом строгой архитектуры скандинавских зодчих-минималистов, а холодным величием и независимостью – все пространство по обе стороны шоссе до аэропорта Арланда было заставлено стальными конструкциями с голубым стеклом и совсем небольшими кусочками бетона. Черный асфальт как жидкая смола разливался между билдингами – ручьи сплетались и вновь расходились. Выделялась жирная полоса, которая и тянулась к самому аэровокзалу.

Работник отеля быстро засеменил к специальной стойке регистрации и, передав билет такому же скрупулезному господину-двойнику, вежливо подтолкнул локоть Афы к стеклянным дверям бизнес-холла. Там он распорядился принести воды и уселся напротив Асури, сложив руки на коленях. Разговаривать было не принято да и не хотелось. И Афа, и менеджер мило улыбались, когда их взгляды пересекались, – этого было достаточно. Когда объявили посадку, аккуратист провел профессора аж до первой ступеньки прохода-гармошки, спрятал за спину руки и поклонился. Асури кивнул и зашагал к салону огромного двухэтажного лайнера с музыкой, двухразовым питанием и даже небольшой порцией мороженого в честь пассажира, которого шведское королевство отметило как одного из выдающихся людей планеты. Когда ели мороженое, аплодировали и показывали большие пальцы в сторону Афы.

II

Куда бы ни летал профессор, обратный путь его лежал только через просторы России. Уже через полчаса полета Асури приникал к окну и очень расстраивался, если облака надолго закрывали землю. Но даже и тогда Афа не расставался с иллюминатором, боясь пропустить малейшее проявление, в котором может мелькнуть клочок русской земли.

Прожив без малого пятьдесят шесть лет, профессор никогда и не был в России. Даже в безумных планах его посещение этой страны было невозможным.

Профессор Афа Асури родился в Южной Америке, в Бразилии, под именем Афанасий Суриков. Его прадед (или даже еще дальше-раньше) был изгнан из своей вотчины в Тверской губернии за приверженность к старообрядческой традиции. Указом императрицы несколько десятков тысяч человек насильно были перевезены в Сибирь в наказание за упрямство. Новые поколения староверов уже приобрели окрас сибирской воли того грубоватого оттенка характера, когда честь и достоинство уже не могут не выказываться. Большевизм, появившийся для сибиряков неожиданно, погнал староверов еще дальше – эшелонами спешно бежали в Монголию, Китай и Японию. Дед профессора, Никита Суриков, родился уже в Китае, увлекся фермерством и перебрался в Бразилию. Вот там и появился на свет его внук, нобелев-

ский лауреат Афанасий Суриков, к тому времени уже гражданин молодой республики, поместившейся на нескольких островах недалеко от Явы и Суматры, профессор Афа Асури.

Новое имя приклеилось к нему не сразу, а уже в сознательные, но все еще юные годы, когда Афанасий выиграл грандиозный конкурс по социологии и оказался в Дубровнике. В этот город-рай свезли отменные умы со всего мира и поместили в институт-лабораторию по исследованию крупномасштабных процессов в социальной жизни человечества. Среди единомышленников едва нашлись два-три человека, которые могли безошибочно произнести фамилию Суриков. Индийский вундеркинд, поселившийся с Афанасием в одном маленьком коттедже, вообще откровенно коверкал и имя, и фамилию. Постепенно именно он утвердил иное произношение – Асури. Так оказалось удобно не только индусу, но и практически всем остальным. Афанасий Суриков превратился в Афу Асури, и, надо сказать, это пошло только на пользу – и научной, и мирской жизни профессора.

В 1991 году югославская трагедия превратила часть Дубровника в руины, и институт спешно прекратил свое существование: миру уже было не до тихого и сосредоточенного изучения самого себя. Умы разбежались по планете, а Афу пригласили в только что образовавшуюся республику, которая амбициозно возжелала создать экономический, а стало быть, и человеческий рай в крохотном пространстве своих

границ.

Как и положено маленькому государству, республика с диковинным названием Байхапур состояла из огромного города и крошечных окрестностей. К тому времени они органично сплелись с мегаполисом, так что Байхапур оказался городом-государством.

Индийский океан – это не море у Дубровника, здесь дышалось иначе. Афа Асури прижился и вот уже лет двадцать трудился на благо государства и, как следствие, на благо всей планеты. Правительство предоставило профессору Асури все возможности для создания Института мышления. Институт получил важнейшее задание – сотрудничество с киберлабораториями по созданию искусственного интеллекта. Здесь знания Афы пришлись в самую пору: никто не разбирался в чередовании констант человеческого мышления так, как он.

На Асури лежала огромная ответственность – создание логики мыслительных процессов для искусственного интеллекта. Вложение в банк данных машины обычных энциклопедических знаний, алгоритмов поведения в интеллектуальных играх ему уже казалось архаизмом, уделом американцев, которые работали на старых социальных технологиях потребностей человека в комфорте. Этот метод с самого начала был отвергнут Асури как метод вторичный, неуникальный, роботизирующий искусственный интеллект под современные нужды. Если сказать точнее, его знания и вся на-

ука истории мышления просто-напросто опережали те «новейшие» разработки, которыми мир пользовался вот уже несколько десятков лет.

III

Афа смотрел в иллюминатор и пытался разгадать эту неизвестную страну, покрытую сплошным снегом без единой проталины. Белое безмолвное пространство прорезалось черными верхушками деревьев. Прозрачный воздух делил ровной полосой горизонт, над которым повисло уже превращающееся в глубокую синеву небо с красно-желтыми прожилками отражения стремительно заходящего солнца. Там, куда несла его двухэтажная птица, наступал теплый вечер – без снега, без огромных сосен, без безлюдного пространства...

Рядом с профессором заворочался молодой мужчина. Он спал, утомившись пить, есть и трепаться на весь салон со своим попутчиком, который сидел рядом. Счастливая парочка летела в вечное лето, там они собирались шушукаться ночи напролет на берегу теплого океана. Не скрывая радости, они наконец-то уснули в обнимку. Это обрадовало профессора. Ни возраст, ни интересы не совпадали – говорить было не о чем. Молодость уже не вернуть, а осваивать еще одну ориентацию профессору Асури было некогда.

Афа был счастливо женат на Агриппине Азаровой. Гриппа была из потомков той же бразильской общины, а в то время, когда еще жив был отец, искать невесту где-то на стороне было не принято и даже противозаконно. Свадьбу сыграли

по всем правилам тогдашнего домостроя. Афа ни о чем не жалел: жена была красива и умна. Рождение сына Кирилла по-настоящему объединило семью. В Дубровнике родители были счастливы, а в азиатском пространстве Гриппе стало неуютно. В отличие от мужа, она взяла с собой истовость верования предков, а на новом месте не нашлось даже самой захудалой церквушки, где православные могли бы служить по древнему обряду. Миссионерские постройки нового русского христианства Агриппина обходила стороной: у нее не выветрилось кровное чувство обиды за растерзанные судьбы единоверцев. Афа категорически отказывался поддерживать супругу в вопросах служения, делал он это мягко, но непоколебимо. Гриппа затосковала, и на семейном совете было решено, что жена уедет отсюда куда угодно, продолжая любить мужа бесконечно и самоотверженно. «Но Бог должен знать, что я и его невеста», – говорила она, так что Афа проникся страданиями жены и отвез ее обратно в Бразилию. Там, в общине, никто не смог понять такого решения: им было не под силу распознать внутренние конфликты сердца, работы, веры и простой жизни. Супруги навсегда скрыли от родственников дальнейшую свою судьбу. Агриппа списалась с общиной староверов в Северной Америке и полетела в Нью-Йорк.

Кириллу, как это ни странно, нравилось – у него, уже молодого мужчины, было два дома на разных континентах. Отношения отца и матери он понимал, все трое искренне любили друг друга и еще что-то свое, важное... Гриппа – ве-

ру, Афа – искусственный интеллект, а Кирилл – музыку. Кто вложил в пальцы еще трехлетнего мальчишки скрипку – неизвестно. Старый румын-скрипач взялся бесплатно учить Кирилла, и Дубровник зачарованно затихал, когда мальчик со своим учителем в сумерках выходили на площадь. Потом начались настоящие занятия в музыкальной школе, поездки, гастроли, концерты – сын оказался замечательным скрипачом.

Сейчас Кирилл сидел в аэропорту Байхапура и ждал своего отца, чтобы обнять нобелевского лауреата первым по праву любви. Сидеть ему особо не давали корреспонденты: микрофоны и объективы мелькали перед лицом Кирилла, набирался солидный материал для репортажа о первом в государстве лауреате Нобелевской премии профессоре Афе Асури.

Через час-полтора Кирилл уже должен вылетать в Париж: концерт отменить невозможно. Но и не увидеть отца в этот вечер сын попросту не мог.

Байхапур встретил Асури теплым декабрем с мокрым от океана воздухом. У трапа профессора уже ждал аэропортовский автомобиль. Таможня заняла минуту, не больше: впереди бежала девушка в оранжевой куртке работников аэропорта с документами профессора, надо только подойти к стойке, где уже лежал проштампованный квиток для свободного въезда в страну. Стоит сказать, что привилегии особенно ценных граждан, которые учредило высшее чиновничество

Байхапура, раздражали остальных. Но все то, что касалось Асури, принималось с пониманием и даже радостью. Профессор заслужил эти маленькие прелести. В конце концов, уже вся страна знала, что у стойки рядом с таможенником стоит лауреат Нобелевской премии...

Афа вышел в холл для встречающих, где его облепили журналисты и какие-то зеваки, все улыбались, кивали каждому слову профессора, который что-то машинально говорил и смотрел поверх камер, туда, где стоял Кирилл с огромным букетом гладиолусов, любимых цветов мамы. Вопросы задавались со всех сторон, Асури не успевал отвечать. Минуты через три раздался свисток, все обернулись: седой мужчина с редкими длинными волосами в косичку остановил репортажи, раздвинул штативы, освободив пространство, протянул Афе руку. Профессор с жадностью пожал ее:

– Привет, Марек!

– Афа, солиднее, солиднее, – проговорил, почти не открывая рта, Марек Стаевски, коллега и друг профессора. – Сказал, еще кое-что сказал – и хватит... Не балуй их!

Они направились к Кириллу. Сын раскинул руки и обнял отца. Так они стояли несколько минут. Опомнившиеся репортеры защелкали вспышками и затворами, забегали с места на место, пока совсем не устали. Отец и сын, не обращая внимания, что-то шептали на ухо друг другу.

– Спасибо, коллега, – спохватился Асури, – поезжайте до-

мой. Я задержусь и провожу сына, он скоро улетает.

Коллега склонил седую голову, в полном соответствии с этикетом этой страны, и исчез в толпе встречающих.

IV

Огромное кафе, окруженное огнями аэропорта, было пусто. Афа и Кирилл расположились у самого окна в конце зала. Сын традиционно держал футляр со скрипкой на коленях. Все давно привыкли, что он никогда не расставался с инструментом.

– Значит, так... Я тут спросил, сколько ящиков Hennessy находится в аэропорту. Побегали, посустились и ответили, что девятнадцать. – Кирилл начал издали.

Афу это несколько не смущало, он приготовился слушать сына, только радостная улыбка чуть больше растягивала губы. Профессор, развалившись в кресле, был счастлив. Говорить не хотелось, хотелось только слушать, но Кирилл демонстративно держал паузу. Пришлось поддержать беседу.

– Смешно, – не зная, что еще сказать, выдал Асури.

– Этот вопрос я уже задавал ранее в разных аэропортах: в Лондоне, Праге, Осло... Ну, там, конечно, аэропорты как весь Байхапур – меньше двадцати пяти ящиков не находили...

– Так... И?

– Я посчитал количество известных миру аэропортов и умножил всего на шесть литров Hennessy. Получилась цифра, которую можно достичь, только если покрыть виноградниками всю Францию тридцать четыре раза.

– Что из этого следует? – растерялся Афа.

– Ничего... Просто Hennessy я больше не пью...

Молчаливый официант не мог не слушать разговор двоих мужчин – он терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, чтобы принять заказ.

– Две водки и два соленых яблока, пожалуйста...

Афа все понял: Кирилл был в России и провел там, кажется, больше недели. В Москве и еще каком-то городе в глубине страны. Это профессор знал, но сейчас вылетело из головы.

– Ну? Что скажешь о России? – Афа придвинулся к столу и оперся на него локтями, сцепив пальцы у подбородка.

– Россия тут ни при чем, папа. Коньяк больше не пьем: он, скорее всего, подделка. Виски надо еще проверять, а вот водку можно: пшеницы навалом на планете.

– О России что скажешь? – повторил Асури, не меняя положения. – Про водку все ясно, попробую. Если понравится, обещаю. А если, как я читал, она противная, вернусь к коньяку.

– Россия, папа, огромная и несчастная страна. Но! Может быть, и счастливая – я еще не понял... Там все смешано, понимаешь? Там никто не уважает главных людей страны, а такие, как я, скажем, музыканты, живут как студенты... У них нет денег, чтобы оплатить жилье и еду другого уровня. Но зато после концерта нас пригласили на ужин, прямо в том же здании, где проходил концерт! Не в ресторане, а в огром-

ном зале поставили столы и разложили еду. Все ели, говорили тосты – там были разные люди. Там были даже бизнесмены, были управители города, за отдельным столом сидели инженеры, я не знаю, как правильно называется их профессия... Те, кто расставляли пюпитры, заносили рояль... Они сидели рядом с нами, потом минут через тридцать все перемешались и сидели кто где хотел... Прилично выпив, я слушал, как они ругались. Не между собой, а просто сплетничали о высших чинах города. Я с одним парнем там поговорил немного, он мне и предложил водку – очень любознательный человек, но недоволен своей жизнью. Сказал, что он композитор, но ему приходится работать тем, кого нанимают для уборки сцены до и после концерта. И когда я спросил, как он попал на этот ужин, он сказал, что просто пришел поесть. Там, оказывается, разрешено всем людям находиться в одном месте, даже если один человек – простой рабочий, а второй – ты. Понимаешь?

Кирилл замолчал, посмотрел на часы и подозвал официанта:

– Пожалуйста, сообщите мне, когда объявят парижский рейс.

Официант поклонился.

Афа молчал. Можно было бы, конечно, поддержать удивление сына, но хотелось молчать. Перед ним как раскрытая книга лежала архаичная история человеческого общежития, которое принесло столько бед планете в прошлые века, и бы-

ло ясно: Россия еще далека от уровня его Байхапура.

– Нет у них возможности принять закон о рейтинге, поэтому несчастье каждого человека складывается в огромное горе всей страны. Но и тут ты можешь оказаться правым, я имею в виду их возможное счастье, – проговорил Афа.

– Да, конечно же, ты прав. Но рейтинга нет и в США, и во Франции, но там же по-другому. Там у небольшого по положению на социальной лестнице человека есть свое достоинство, очень хорошее достоинство, приятное даже. В России этого нет – есть обида и амбиции. А у важных персон есть какое-то смешное самодовольство. Знаешь, как в древних сказках про глупых вельмож. Я эти сказки часто вспоминал в Москве. Но в России вельможа может с голодным дервишем, факиром, сидеть за одним столом, понимая все, о чем говорит дервиш. Я тогда еще подумал, что они приходят специально, чтобы показать свое превосходство перед всеми. Но все-таки я обомлел, когда этот композитор (кстати, выпил он прилично) сел за рояль и стал играть свою музыку. Папа, у нас такого уровня композиторов нет, я это говорю уверенно.

– Это огромная пропасть между красивой, правильной, даже моральной жизнью и жизнью как таковой. Социум не может придумать, как обрести собственный покой и свободу для личности одновременно. Русские очень талантливые, хотя живут как наши с рейтингом ниже трешки. Понимаешь? При их ограниченности во всем, ну просто во всем с нашей

точки зрения, они живут свободнее и честнее. Мы подчинены рейтингу и уже привыкли... Но это путь в никуда – застой. Духовный, что ли...

– Папа, это ты говоришь? Не верю! Ты считаешь, что твой «Лотос» не просчитал эволюцию при соблюдении рейтинга?

– «Лотос» пока еще машина, не более... Машина отменная, способная самогенерироваться. То есть она создаст свою цивилизацию, уверяю тебя, так и человек был создан – как инструмент, способный к самогенерации. Мы же взяли только идеальную составляющую, исключительно для того, чтобы получить совершенное общество. Оно действительно идеальное, но не живое, понимаешь? А Россия, эта страшная Россия, вовсе не идеальная, но даже по твоим словам – живая. Я когда-нибудь решусь поехать в Россию, правда. Уже и деда нет, и все отлегло – ну, то тяжелое чувство, о котором все староверы в Бразилии говорят. У мамы оно осталось, кажется, навсегда. Вот если она даст добро, я приеду посмотреть на русских.

– Ты мне скажи, у них что – мышление иное?

Афа задумался:

– Нет, не иное... Нет... Иного мышления не бывает. Если, конечно, есть точка отправная, которая незыблема для всех. Все, что ты говоришь, доказывает, что этой точки у них нет, этой константы, которой подчинено все здание мысли. Если это так, то у них нет мышления, а есть индивидуальная оценка себя и окружения.

Профессор остановился, откинувшись на спинку стула. Ему вовсе не хотелось рассуждать по поводу того, что знакомо поверхностно и еще не изучено. Но Кирилл слушал внимательно и даже с интересом. Асури продолжил:

– Я очень давно разговаривал с русским ученым, он боялся говорить откровенно, но не потому, что его могут наказать, а потому что ему не хотелось, чтобы я сделал паршивенькие выводы. Он так и высказался – «паршивенькие», я это запомнил. Но даже в том разговоре я выяснил, что константа в России есть – это победа в войне против фашизма. Это было очень давно, но расправа над фашизмом сидит в них как достоинство и как новая цель! Я тогда удивился, но не стал расспрашивать. Я и сейчас не понимаю окончательно, что это значит – выиграли тогда, выиграем и в следующий раз? Я это понимаю вульгарно, логически, не более, но русские этим живут.

– Да, мне тоже говорили, что, мол, ты живешь в Европе, которая когда-то была побеждена, и мы это помним – если что, можем повторить. И еще я заметил, что и войну свою в России чтят по-разному, там также нет одной опоры.

– Тогда они обречены... – Асури не успел договорить.

Официант довольно строго попросил Кирилла пройти в зал для отправления. Мужчины поднялись и заторопились к выходу.

Афа еще раз обнял сына, и они расстались. Кирилл, не оглядываясь, пошел к выходу на посадку.

Профессор вышел из здания и, обогнув его, уставился в небо. Полночные звезды уже вовсю сияли над головой. Самолет разогнался, взлетел над аэропортом и, развернувшись над океаном, исчез в едва заметной синеве черного байхал-пурского неба, унося с собой Кирилла Сурикова, любимого сына и способного скрипача...

Выпитая в кафе водка оказалась излишне безвкусной, но Афа все-таки почувствовал легкое тепло где-то глубоко внутри.

«Да, ее надо уметь пить», – подумал Асури и зашагал к многочисленным автомобилям такси.

V

Асури открыл калитку. Дверь в виллу отворилась, оттуда выглянул дородный индус глубокого возраста. Слуга поклонился профессору и принял вещи.

Афа прошел к себе в кабинет, достал из ящика тонкий смартфон и только сейчас приобщился к своей стране, своей работе, друзьям, увлечениям – к своей привычной жизни. В поездки он никогда не брал местный телефон. И не то чтобы он опасался чего-то определенного, но время за пределами маленького государства могло преподнести сюрпризы, отказаться от которых невозможно, но которые могут молниеносно сказаться на рейтинге. Рейтинг Асури был одним из самых высоких в стране, но профессор никогда не интересовался сводками изменений социального контроля, которые еженедельно публиковались на главных информационных ресурсах страны и мелькали бегущей строкой по основному государственному телевидению все воскресенье, с утра и до ночи.

Прошло уже пять лет с тех пор, как правительство установило рейтинг для всех граждан, без исключений. Случилось это не в одно мгновение – молодая республика долго и упорно искала способы собственного развития и процветания. К этому вопросу были подключены абсолютные умы, способные размышлять о благе государства как о собствен-

ном. Среди таких умов был и Афа Асури.

Смартфон замигал, заискрился разноцветной заставкой, звякнул и принял свое привычное состояние. На экране высвечивались коротенькие ряды циферок – дата, время, метеорологическая информация; финансовая репутация показывала состояние банковского счета Афы. Ниже через перламутровую полосу высвечивалось серебряное число из четырех цифр: 7531...

Это и был рейтинг профессора истории мышления Афы Асури. Такой балл являлся исключительным гарантом всевозможных привилегий, от выбора места жительства до беспроцентного кредита любой суммы на любой срок.

Сбросив европейский наряд, Афа зашел в гардеробную комнату и отыскал белоснежный халат с черным аистом на спине – любимый халат по воскресеньям. Профессор сбрызнул лицо водой, которая тут же напомнила ему близость океана: влага была прозрачнее хрусталя, каждая капля пахла свежестью и прохладой. Из зеркала на Афу смотрело уставшее после поездки лицо, аккуратно обрамленное короткой бородой и слегка выющимися черными волосами. Загоревшая кожа европейского лица придавала спортивный вид. Никаких признаков успокоенной солидности видно не было. Пятьдесят пять лет для Афы были не чем иным, как началом.

Профессор закутался в черного аиста, вышел на террасу посмотреть на океан. Его вилла была в нескольких ярдах от залива, словно придуманного для Асури заботливой приро-

дой. Какие бы ветра ни гуляли по водной глади, залив оставался тихим и спокойным в любой шторм. Архитекторы даже не стали устанавливать преграды, чтобы обезопасить жилище дамбами: не было необходимости.

Усевшись на теплый бамбуковый паркет, Асури кликнул тана и попросил принести воды и трубку. Формально республика запрещала никотин, но ночной Байхапур изредка закрывал глаза на нарушение этого запрета. Пожилой индус-тан также «ничего не видел и не слышал».

Неожиданно Афа спохватился:

– Тан, а в доме есть Hennessy?

– Да, мистер...

– Принеси, пожалуйста, бутылку... Ну и бокал, естественно...

Асури дотошно рассматривал этикетку на бутылке, сосредоточенно разбирая мелкий шрифт. Его волновало все: где изготовлено, кто производитель, кто импортер, где разлита эта бутылка. Через несколько минут он все-таки откупорил коньяк и налил совсем чуть-чуть:

– Ну, до свидания, Hennessy... – Асури сделал глоток и, отставив бокал, повернулся к океану.

VI

*Протокол закрытого совещания Совета безопасности
республики Байханур*
(За пять лет до происходящих событий.)

На совещании присутствовали: премьер-министр, управляющий кабинетом правительства, руководитель Совета безопасности.

Рассматривается докладная записка Комитета по исследованию и развитию общества республики Байханур. Ниже приводится полный текст записки.

Уважаемый господин премьер-министр, уважаемые члены правительства и Совета безопасности!

В течение шести лет со дня провозглашения независимой республики Байханур проводилась исследовательская работа с целью объективной оценки состояния республики в отношении ее главного ресурса – населения.

На момент начала деятельности Комитета по исследованию и развитию общества республики Байханур (в дальнейшем Комитета) численность населения составляла один миллион двести шестьдесят восемь тысяч одиннадцать человек. Были учтены все граждане республики, получившие право на гражданство по своему рождению, а также лица, получившие или ожидающие гражданство республики как зарубежные специалисты, приглашенные

правительством или изъявившие самостоятельно служить на благо республики Байхапур.

Для реализации задания Комитетом был разработан проект по изучению потребностей и возможностей населения. В рамках проекта были осуществлены скрытые наблюдения за группами лиц, проведены социальные опросы, организованы институты по повышению квалификации, созданы рабочие лаборатории по обучению необходимым профессиям, проведены конкурсы на несуществующие вакантные должности с целью выявления особенностей поведения субъекта в стрессовой ситуации. В течение пяти лет (последний год понадобился исключительно для анализа полученной информации) велась ежедневная работа, в которой были задействованы четырнадцать тысяч специалистов и волонтеров. С убедительной уверенностью в своем исследовании Комитет представляет записку на Совет безопасности; выводы Комитета можно ограничить погрешностью в один процент.

Аналитическая преамбула

Население республики Байхапур исключительно неоднородно по своему миропониманию и достатку. В наследство от прежнего режима достались устоявшиеся ареалы народонаселения по национальному и религиозному признакам.

Центральные районы, в силу разносторонней деятельности региона, не представляют целостности ни по признаку вероисповедания, ни по национальным и культурным единствам.

На сегодняшний день Комитет может представить Совету безопасности иерархию слоев населения республики от высшего к низшему по следующим критериям: уровень образования, финансовое состояние, участие в общественном устройстве государства, толерантность и общая сознательность.

Параграф первый

Численность первого слоя равна 7 % от общего числа населения. Данный слой можно назвать наиболее полезным для развития и процветания республики.

Каждый представитель высшего слоя, за редким исключением, получил образование в высших учебных заведениях; 23 % имеют отечественное образование, 77 % – зарубежное.

Представители высшего слоя обеспечены всем необходимым для комфортного проживания.

Позитивность мышления данного слоя обусловлена абсолютным доверием к своей деятельности и уверенностью в важности профессии, прежде всего, для самой личности. Представители этой части населения способны выстоять в стрессовый период, каким для многих оказался переход от прежнего режима к новому

принципу руководства, когда молодая республика была еще неспособна обрести стабильность в области социальной безопасности и трудоустройства.

По результатам проводимого анализа, данный слой является идеальным и абсолютно полезным для государства.

Параграф второй

Численность второго слоя составляет 5 % от общей численности населения. Представители данного слоя идентичны первому по финансовому и профессиональному качеству. Потребность в комфорте удовлетворена полностью. Отличие состоит в осознанно воспринимаемой, демонстративно активной социальной и политической деятельности. Имеет место постоянная дискуссия внутри этого слоя между сторонниками нового правительства республики, которые активно и целеустремленно помогали созданию независимости Байханпура, и приверженцами прежнего режима, которые всячески поддерживают реакционные методы борьбы с новой молодой республикой. Субъекты этого слоя широко известны, обладают определенной популярностью, не скрывают своих взглядов и стараются увеличить зону своих дискуссий.

Комитет склонен считать, что полярные взгляды представителей слоя не мешают составить один общий блок, так как в абсолютном исчислении

все разногласия сводятся к различному пониманию поддержки новой власти в республике.

Параграф третий

Третий слой представлен внушительной частью населения и составляет 36 %. К этому классу принадлежат специалисты высокого уровня, обслуживающие практически все население. Финансовый уровень представителей этого слоя довольно высок, и желание укрепить свое состояние делает их наиболее безразличными к идеологии государства. Образованность и информированность не препятствуют своеобразному отдалению от насущных реалий социума. В этом слое тенденция к явному или даже скрытому протесту выражена наименее всего. Сфера обслуживания республики поддерживается в основном представителями этого слоя. Также Комитет отмечает, что именно этот класс дает государству наибольший процент налога.

Внутри самого слоя присутствует доля специалистов со средним образованием. К ним относятся специалисты по работе с молодежью, представители аграрных профессий, ремесленники и мелкие предприниматели. В состав этого слоя также входит студенчество.

Комитет считает, что к этому блоку населения не нужно применять пристального внимания: данная категория самостоятельно удерживается благодаря

самим представителям слоя.

Параграф четвертый

Численность четвертого слоя составляет 24 %. Критерием объединения субъектов данного слоя в один класс является осуществляемая ими деятельность в качестве наемных рабочих. Субъекты этой категории не придают особенного значения устройству своего жилья, не имеют накоплений, свободное время проводят в своем же районе обитания. Основными развлечениями являются разговоры в общем кругу, просмотр рекомендованных сериалов категории Б, совместное употребление алкоголя. Значительная часть времени уходит на компьютерные игры и социальные сети. Данный слой активно обсуждает в своем кругу всю доступную им информацию, поступающую через печатную, телевизионную и радиийную продукцию. Дискуссии проходят стремительно и заканчиваются кратковременными конфликтами или возможностью примириться во время общего ужина. Тяготение к высшему слою существует только в единичных примерах. Такое стремление осуждается внутри класса и в каком-то смысле даже высмеивается.

Четвертый слой предсказуем и представляет собой реальную пользу республике без особых затрат на социальное обеспечение этой части граждан. Данный слой представляется как исключительно безопасная

рабочая масса для развития экономики и производства.

Параграф пятый

Низший слой населения составляет 25 % от общей части. К нему относится население с низким уровнем образования. В большинстве случаев он ограничен несколькими классами начальной школы. Редкое исключение составляют некоторые из представителей пятого слоя (как правило, люди старше 40 лет) со средним уровнем образования, что связано с тем временем, когда оно было обязательным. Различия между этими двумя уровнями образования специалистами обнаружены не были. Уровень жизни и достатка у представителей данного класса крайне низок. Жилищные условия характеризуются антисанитарией и полным нарушением норм общежития – как правило, группа людей массово проживает в небольших помещениях. Деятельность этой группы граждан определена грубой и черновой работой, зачастую случайной, никакого планирования не ведется. Прием наркотических стимуляторов и алкоголя является повсеместным в местах обитания людей данного слоя. Внутри слоя существуют лица, не учтенные органами записи гражданского состояния. Распространена преступность. Уголовная направленность очевидна – 86 % всех криминальных проступков приходится на контингент пятого слоя. Самосознание выражено агрессивно и без всякой

логической привязанности к социуму. Если выразиться фигурально, то рассматриваемый класс в настоящий момент находится на уровне асоциального животного, неспособного воспринимать закон и мораль. Нынешняя ситуация такова: демократически-рыночная идеология недальновидно пытается предотвратить агрессию класса и погасить потенциальную опасность при помощи отдельных выплат пособий или разовой рекламной благотворительности. В ходе проведенного анализа сотрудники Комитета убедились в отсутствии пользы в существовании данной части населения для новой развивающейся республики.

Параграф шестой

Самый малочисленный слой населения численностью в 3 % является негативным фактором развития человечества, которое позволяет своими законами создавать условия для появления паразитирующих элементов, входящих в данный класс. Контингент шестого слоя совершенно неоднороден по уровню жизни и образования. В зависимости от показателей, представители этого класса могут входить в любой из представленных выше слоев общества. Основным занятием этой категории граждан является преступная деятельность во всех ее проявлениях. Социальное взаимодействие с представителями шестого слоя представляет опасность. По аналитическим данным, данному

классу принадлежит почти половина предполагаемых доходов республики. В специальном приложении Совету безопасности представлена мониторинговая таблица имущества и сфер влияния.

В настоящий момент данный слой представляет собой наибольшую угрозу для развития молодого государства. В то же время Комитет полагает, что принципиально осторожные взаимоотношения руководящего аппарата республики Байханур с рассматриваемым слоем возможны. При аккуратном воздействии на каждого индивида его амбиции могут оказаться полезными. В том случае, когда образование представителя слоя равно уровню образованности представителей высших категорий граждан, подобная связь может благотворно сказаться на экономике и развитии Моральной инфраструктуры Байханура.

В противном случае Комитет предлагает использовать наиболее радикальные методы для ликвидации этого слоя.

Исходя из вышеизложенного, Комитет настоятельно рекомендует Совету безопасности провести экстренное заседание с привлечением исключительно профессиональных специалистов для решения вопроса, поставленного в параграфе пять. Затраты на обслуживание пятого слоя в тридцать два раза превышают ту нерегулярную отдачу, которую можно получить от этой категории граждан республики.

Для решения вопроса по параграфу шесть

требуется исключительная воля правительства и лиц, ответственных за удержание тех завоеваний, которых достигла молодая республика в годы своей независимости.

Подписано всеми членами Комитета с безоговорочным согласием с каждым словом, изложенным выше.

VII

Всю ночь Афа просыпался и вертелся от странного звука. Словно какая-то огромная муха пролетала над профессором. Как только ему удавалось ненадолго провалиться в сон, муха возвращалась и жужжала в ухо еще и еще. Когда стало немного рассветать, профессор заметил за окном встревоженного тана, который что-то искал на террасе, той самой, где остались ночевать открытая бутылка Hennessy, почти пустой бокал, трубка и смартфон. Афа сообразил, что это всего-навсего телефон жужжал всю ночь. Найдя телефон, тан осторожно подошел к окну и, заметив, что хозяин уже не спит, вежливо попросил разрешения войти, протянул профессору смартфон.

Уже в руках Афы он еще раз протяжно прожужжал и загорелся экраном с каким-то сообщением.

Взглянув на экран, профессор ничего не понял. Сообщение ему показалось странным: представитель ресторана, где Асури был завсегдатаем, интеллигентно отказал ему в дальнейшем посещении данного заведения.

«Ерунда какая-то», – подумал Афа и открыл папку с предыдущими сообщениями. Оставшихся без ответа известий оказалось больше сотни! Двигая пальцем по экрану, Асури тупо смотрел на летящий к своему началу список желающих среди ночи сообщить профессору что-то чрезвычайное.

чайно важное. Наконец список закончился, и Афа прочел первое известие от ноля часов и семи минут: «Господин Асури. С момента получения настоящего сообщения Вам отказано в беспрепятственном прохождении на территорию Института мышления. При первой возможности Вам необходимо сдать свой идентификационный пропуск на территорию института. С уважением, служба охраны».

– Чушь! Свинство! Это что такое?! – Афа бросил смартфон на кровать, словно омерзительно нечистый предмет. Мгновение, и ошалевший мужчина в черном аисте снова схватил телефон и стал читать остальные сообщения. В глазах поплыло, Асури несколько раз с силой зажмурился от волнения, агрессивного раздражения и беспомощности. Не выдержав, профессор нажал несколько кнопок, и автоматический голос смартфона продолжил чтение сообщений:

– Уважаемый господин Асури. Вынуждены отказать Вам в обслуживании вашего автомобильного парка. С уважением, технический центр Toyota.

– Телеграфный отдел приемной Института мышления отключил ваш номер от связи. С уважением, бот «Лотос-24».

– Сообщество Академии наук Байхапура отказывается продлевать членство Афы Асури в своей Ассоциации.

– Вам пыталась дозвониться Агриппина Азарова – координационный центр республиканской телефонной связи прервал вызов.

– Вам пыталась дозвониться Агриппина Азарова – ко-

ординационный центр республиканской телефонной связи прервал вызов.

– Совет безопасности государства Байхапур отписался от связи с абонентом.

– Вам пыталась дозвониться Агриппина Азарова – координационный центр республиканской телефонной связи прервал вызов.

Голос методично выговаривал слово за словом, не повышая интонацию, продолжал ужасающую цепочку нелепостей. Профессору было отказано в посещении маленького кафе, где он уже лет пятнадцать пил горячий шоколад по утрам, магазин прекратил для него поставки свежего молока, фитнес-центр расторг контракт, все авиалинии отказались бронировать рейсы как международные, так и внутренние... Много всего прекратило существовать для Асури в привычном комфорте. Афа упал на низкий подоконник и только изредка сверкал покрасневшими от чудовищной несправедливости глазами. Голос все говорил и говорил:

– Ваша карта, принадлежащая Байхабанку, заблокирована для оплаты в любом коммерческом учреждении. Для получения наличной суммы размером не более ста девяноста шести ритов вы можете обратиться в отделение банка или воспользоваться банкоматом. В случае нарушения данного условия ваша карта будет аннулирована...

– Скотство, – еле вымолвил профессор, все еще сидя на подоконнике. Сил встать не было.

Голос замолк, сообщения наконец-то кончились. Но уже через мгновение смартфон опять зажуужал противным насекомым, и автоматический диктор продолжил:

– Внимание! Ваш рейтинг пересек критическую отметку. Пожалуйста, нажмите кнопку «Продолжить», ознакомьтесь с положением о рейтинге в пределах четырех тысяч и внимательно прочтите инструкцию для дальнейшего существования в указанном классе социального кредита.

Профессор прыгнул к кровати и схватил телефон. Засветился экран, и еще вчера серебряные цифры угрожающе зазглись почти красным цветом: 3962 балла!

– Что?! – заорал Асури. – Что?! Скотство! Этот дерьмовый «Лотос» сошел с ума!

Цифры задергались, замигали, и теперь уже черно-кровавый оттенок чисел остановился на 3911...

– Твою мать! – выругался Афа, тряся смартфоном. Цифры слегка потемнели, зашевелились и вновь остановились. Теперь рейтинг был равен 3894 баллам.

Афа застыл. Он не мог опомниться от происходящего. Прийти в себя, остановиться в своей беспомощности и испуге. Профессор действительно испугался. Ему казалось, что это какое-то недоразумение, ошибка. Ему хотелось кричать во весь голос, он почти зарычал:

– Черт возьми! Будьте вы прокляты, шутники! – это первое, что пришло ему в голову. – Розыгрыш, не иначе! Правда, подлый розыгрыш!

Цифры опять замигали разными оттенками цвета, и теперь уже совсем мало осталось в них красного, почти незаметного в этой общей черноте на желтом ядовитом фоне: 3633.

Голос из телефона опять равнодушно напомнил о себе:

– Афа, дорогой и любимый. Поздравляю тебя с премией. Это большая награда, ты долго шел к ней на благо науки и любимого государства. Ты умница. Я звонила тебе, но ты уже спал, скорее всего. Я не могла прилететь, у меня служба все дни. Кира мне позвонил и рассказал, как вы с ним отказались от какого-то коньяка, название я не запомнила. Жди меня, как только я освобожусь, я прилечу к тебе. Твоя преданная Гриппа. Данное сообщение было отправлено от абонента Агриппина Азарова. Вы не можете ответить на это сообщение. Оно предназначено только для чтения. С уважением, Координационный центр телефонных коммуникаций.

Слезы потекли по щекам Асури. Афа закрыл руками лицо и зарыдал. Цифры медленно поползли вниз. Теперь они уже не меняли своего цвета, человеческий глаз не мог различить в смоляной черноте никакого оттенка. Спускаясь вниз по единичке, редко по два балла, они остановились на 3587. Но не замерли, а продолжали медленно вздрагивать. Словно были готовы к еще одному изменению рейтинга профессора Асури.

Но Афа этого не видел. Он стоял посреди спальни в своем черном аисте, сгорбленный, раздавленный, все так же за-

крывая лицо руками. Так он простоял некоторое время, пока длинное и постоянное жужжание смартфона не вывело его из забытья.

Медленно он опустил руки и потянулся к телефону:

– Асури, слушаю. – Афа даже испугался собственного голоса.

В телефоне несколько раз переспросили данные абонента, Афа на все отвечал коротко: «да» или «правильно»...

– Господин Асури, вы не можете более находиться в районе вашего нынешнего проживания. Через два часа к вилле подъедет автомобиль Службы охранного отделения. Пожалуйста, успейте за это время собрать все необходимые вещи, документы и будьте готовы.

Чей-то начальственный голос прервался, и на том конце отключились.

Паника достигла дна, Афа обессиленно сел на кровать. Но тут же встал и стал собираться. Что ему брать с собой, он не понимал.

– Тан! – крикнул профессор. – Тан!

Никто не отозвался. Афа вышел из спальни на террасу и прошел в общие комнаты. Прислуги нигде не было. На обеденном столе лежал лист печатной бумаги. Белизна его горела на полированной черной столешнице и призывала к себе. Афа прочел:

«Извините. Прощайте. Мне предписано уйти из этого дома и не иметь с вами никаких отношений.

Ваджра Джапуркар».

VIII

*Протокол закрытого совещания Совета безопасности
республики Байханур*

(За четыре года и шесть месяцев до происходящих событий.)

*На совещании присутствовали все члены
Совета безопасности, члены кабинета министров,
руководители Академических институтов, члены
Комитета по исследованию и развитию общества
республики Байханур и официальные представители
Комитета рейтинга.*

*Официальное представление Системы социальной
искренности, единого рейтинга доверия гражданского
общества.*

*Данный документ разработан Комитетом
рейтинга в сотрудничестве с отделом социального
существования при кабинете министров республики
Байханур. Комитет рейтинга ответственно
заявляет, что разработанная система повысит
производительность труда и общегосударственный
порядок в отношении диалога с населением, а
также поспособствует росту уровня патриотизма
и укреплению добрососедских отношений между
гражданами.*

Документ:

Система социальной искренности и единого рейтинга

Для неукоснительного исполнения всем подразделениям правительства, всем министерствам, всем автономным органам самоуправления, всем государственным и частным предприятиям, всем региональным товариществам общезжития, каждому гражданину республики Байхапур.

Аналитически-пояснительная преамбула

Система социальной искренности является краеугольным камнем развития республики, ее экономики, социального комфорта, благополучия граждан и совершенствования морали государства.

Вся Система социального и искреннего доверия (в дальнейшем – Система) основана на потребности всей республики в целом и каждого добропорядочного гражданина в частности жить в защищенном государстве, процветающем экономически и нравственно. Система опирается на законы, правила, стандарты и уставы, выработанные человечеством с целью поднять цивилизацию общезжития на

должный уровень. В Системе не существует норм, положений, высказываний, предложений, противоречащих существующим Конституциям и Кодексам мирового сообщества.

Данная Система прошла аналитическую проверку в соответствии со всеми известными правилами добра, искренности и толерантности.

Цель Системы – поощрение искренности и честности каждого гражданина с целью обеспечения добропорядочного, светлого и безопасного пути.

На основе общего требования, изложенного в протоколах заседаний Совета безопасности и аналитической записке Комитета по исследованию и развитию общества республики Байханур, предлагается к рассмотрению и утверждению следующее:

I. Общая концепция Системы социальной искренности

Совет безопасности и руководство республики Байханур уделяют большое внимание построению Системы социальной искренности. Предполагается создание общенациональной единой базы данных с информацией о финансовом состоянии, жилищных условиях, трудовой занятости и интересах каждого гражданина республики.

Вся отраслевая информация помещена в единый банк сведений для полноценного обмена в

случае неучитенных моментов жизнедеятельности гражданина. Такая система взаимодействия позволит мгновенно проанализировать искренность каждого человека, тем самым провоцируя его к самодисциплине и выполнению норм морали.

В силу человеческого фактора старые механизмы стимулирования для поощрения искреннего доверия и наказания за нарушение доверия являются неполными, так как находятся в воле гражданского менталитета. Сохранение доверия несвоевременно и недостаточно, цена нарушения доверия, как правило, невысока, что приводит к периодическим нарушениям: случаям коммерческого мошенничества, производству и продаже контрафактной продукции, уклонению от уплаты налогов, нелегальным финансовым операциям, академическим нарушениям и другим подобным явлениям. В силу человеческого вмешательства в вердикт правосудия искренности такие преступления не могут быть пресечены окончательно.

II. Руководящая идеология и целевые принципы

Чтобы создать всестороннюю и безошибочную систему социального доверия, мы рекомендуем теорию и практические разработки профессора Афы Асури, вот уже двадцать лет возглавляющего не только Институт мышления, но и все мировое сообщество по диалогу с искусственным интеллектом.

Профессор Асури в сотрудничестве с

киберпсихологами долгие годы разрабатывал инструкции для совершенствования самостоятельного мышления механизма искусственного интеллекта – машины «Лотос-1».

Профессор Асури разработал принципы, которые уже были переданы машине, в результате чего экономика Байхапура заняла одно из передовых мест в мировом сообществе. Разработки профессора Асури сыграли значительную роль в развитии экономики республики.

Основным принципом построения Системы социального доверия, предложенным «Лотосом-1», является полное предоставление контроля и руководства органам экономической отраслевой власти и политическому руководству республики. Право принятия решения по экономическим, политическим, моральным вопросам принадлежит исключительно высшему руководству государства.

Это отмечено машиной «Лотос-1» как наиважнейший аспект удачной и ответственной перспективы развития республики.

III. Ускорение построения искренности государственных дел

Искренность государственного аппарата является ключевым моментом построения Системы социального доверия, уровень искренности всех государственных деятелей играет важную

руководящую роль в построении искренности среди других социальных субъектов. Такая постановка этого принципиального вопроса позволит всем членам государственной власти получить бонусный рейтинг, что, в свою очередь, даст возможность более раскованно принимать решения, проводить эксперименты в экономике и политической идеологии и полностью сохранить администрацию в соответствии с нынешним законом. Сохранение администрации государственного управления позволит усилить механизмы массового надзора и надзора за общественным мнением.

Для этого необходимо создать Институт управления государственными служащими и разработать автономный рейтинг каждого государственного служащего, отличный от рейтинга, выдаваемого машиной «Лотос-1».

В связи с этим данный документ предусматривает внесение в банк машины «Лотос-1» отдельного списка общественных организаций, существующих на данный момент. Впоследствии следует рассматривать эти организации как индивидуальные субъекты государства, повышение или понижение рейтинга которых будет автоматически распространяться на всех членов конкретной организации.

Подобные правила должны распространяться на все СМИ, зарегистрированные в государственном реестре на данный момент.

Отдельное положение судебного авторитета и

его производных должно находиться вне рейтинга, на содержании государства. Весь аппарат надзора и исполнения решений судебного авторитета подбирается точно из числа проверенных лиц государства, получивших рекомендации в момент прохождения службы в системе обороны государства. Все члены аппарата судебного авторитета должны постоянно находиться в служебном районе, выстроенном со всей необходимой инфраструктурой. Нельзя допустить разглашения их персональных данных в СМИ. Механизмы надзора за судебным авторитетом как единого лица осуществляются закрыто и разрабатываются Советом безопасности с привлечением необходимых специалистов. Результаты заседаний должны быть закрытыми и не подлежат разглашению или обнародованию.

IV. Укрепление воспитания культуры искренности

Воспитание искренности и ее культура являются основными каналами, ведущими к самодисциплине членов общества, они повышают моральное совершенствование.

Рекомендуется создание модели искренности для каждого из видов продукта искусства или культуры. Для этого необходимо определить каждому новому произведению искусства или культуры самостоятельный идентификационный паспорт с

номером ячейки банка информации для машины «Лотос-1».

Это касается и пропагандистских образований телевидения, радио, газет, интернета и других подобных средств массовой информации. Необходимо интегрировать в них модель добродетели по построению искренности, установить модели социального доверия, и на этих основах проводить надзор над указанными организациями и их продуктами.

Особо рекомендуется создать проекты в указанных организациях, включая и предприятия искусства и культуры для популяризации государственного отношения к злободневным действиям, актуальным событиям. Требуется организовать общественные мероприятия для создания благоприятной социальной атмосферы, такие как День радости, Неделя искренности, Месяц качества доверия, Международный день защиты прав искренности «22 апреля», День пропаганды национальной правовой искренности «10 декабря» и так далее, стараясь в ритмичной и запланированной манере уделять особое внимание теме искренности.

V. Подготовка специализированных искренних талантов и рабочих мест

Необходимо создать комиссию по разработке единого проекта и подготовке кадров для работы в

организациях контроля искренности.

Рекомендуется разработать проекты, связанные с теми отраслями, куда могут трудоустроиться граждане с понижающимся рейтингом. Также необходимо предусмотреть лифтообразующий алгоритм перемещения граждан с меняющимся рейтингом. Для этого потребуются определить районы обитания граждан республики с тем или иным рейтингом, разработать для каждого рейтинг-класса свою полнофункциональную инфраструктуру, средства массовой информации, зоны, ограничивающие свободное передвижение по другим рейтинг-классам.

Вместе с тем необходимо создание реестра вознаграждений за длительную искренность каждого гражданина или организации. Подобный реестр должен быть доступен каждому гражданину в качестве напоминания о настоящем или потенциальном благополучии.

Для этих целей следует разработать систему мелкого разового поощрения в виде скидок на товары повседневного пользования, абонементов на посещения мероприятий, где производят предметы искусства, получения возможности пользования более комфортным видом транспорта.

Предлагается ввести в практику разовое посещение культурных инфраструктур повышенного рейтинг-класса. В противоположность этому, всячески демонстрировать низкий уровень в качестве наказания. Такая система должна

носить регулярный характер, результаты должны быть популяризированы, чтобы каждый гражданин имел возможность самостоятельно анализировать ситуацию, указанную системой для перерасчета своих потенциальных возможностей к воспитанию искренности и доверия.

Информационные бюллетени рейтинга граждан должны распространяться повсеместно без любых затрат на поиски подобной информации.

Данная аналитическая записка рассчитана на глубокий анализ всеми членами Совета безопасности Байхапура и в случае одобрения должна быть передана в специально назначенный Комитет «Лотос» для окончательного создания алгоритма машинного рейтинга и получения рекомендаций искусственного интеллекта машины «Лотос-1» под руководством профессора Асури.

IX

На заднем сиденье было темно. Стекла, затянутые темной полупрозрачной пленкой, не позволяли разглядеть ничего. Спины водителя и солдата-сопровождающего закрывали и то малое, что пытался рассмотреть Афа через лобовое стекло. Прошло всего минут десять, не больше, и знакомые улицы сменились неизвестными местами. Всё, что успевал разглядеть профессор впереди, за спинами мужчин, напоминало какие-то огромные боксы, серые, с сотами окон. Бараки тянулись по обе стороны улицы, изредка прерываясь на низенькие здания, такие же унылые, как и эти огромные дома, с той лишь разницей, что ларьки были хоть сколько-нибудь расцвечены яркими пятнами.

«Реклама», – сообразил Асури, все больше и больше прилипая к окну.

Неожиданно машина притормозила и завернула во двор одного из таких боксов.

– Прошу вас. – Кто-то открыл дверь, пропуская в салон яркий солнечный свет.

Афа зажмурился и вылез из автомобиля. У тротуара уже стояли два его чемодана, саквояж и кожаный рюкзак, привезенный из Италии и служивший Асури большим походным несессером в туристических вылазках к океану или в горы.

– Вот ваши ключи, Асури-тан, здесь на бирке написан ваш

полный адрес, включая этаж и номер квартиры. Будьте добры, предоставьте свою идентификационную карту, чтобы я мог зарегистрировать вас по этому адресу.

«Тан!» – закричало в голове Афы. В кармане куртки зажужжало. Не обращая внимания на протянутую руку с ключами, профессор достал смартфон. Рейтинг упал еще на несколько цифр. Выхватив ключи, Афа повернулся к своим чемоданам. Смартфон еще раз проурчал.

– Карту, пожалуйста, – невозмутимо проговорил сопровождающий профессора солдат-китаец.

Асури вынул карту из маленького бумажника и протянул охраннику. Тот ловко провел ее через валидатор и тут же вернул профессору. Смартфон отреагировал мгновенно. Под черными цифрами, опустившимися еще на несколько пунктов, мигали сообщения о новом адресе, инструкции поведения в данном районе. Ниже, уже жирным шрифтом, сообщалось об обязательном прочтении и подтверждении согласия на новые условия существования Асури-тана. Прилагался список мест рекомендуемого трудоустройства. Не вдаваясь в прочтение, профессор схватил свои вещи и направился к подъезду. Длинный дом в четыре этажа имел всего один подъезд. Огромное табло показывало схему размещения всех квартир, которые были пронумерованы как в отелях, номер квартиры начинался с цифры этажа – 3381. Третий этаж, третий блок, квартира восемьдесят один.

«Тан! Скотство!» – носилось в голове профессора, по-

ка он медленно поднимался по лестнице к своему этажу, а смартфон учтиво напоминал своим жужжанием об изменениях в рейтинге Асури.

Квартира оказалась маленькой студией всего с одной дверкой, ведущей в туалетную комнату. Кухонный уголок у единственного окна представлял собою газовую плиту с двумя конфорками и столик с раковиной. В низу столика лежала необходимая посуда. Одноместная тахта в другом углу, на тумбочке – телевизор. Больше в квартире ничего не было, если не считать длинной металлической палки-перекладины во всю стену с плечиками для одежды. Ни шкафа, ни тем более гардеробной в квартире не было. Афа посмотрел в окно: какой-то завод или что-то подобное заполняло весь видимый пейзаж.

Профессор долго смотрел на трубы, из которых тонкими струйками в небо уходил белый пар.

– Это какое-то наваждение, черт возьми! Этого не может быть.

Асури открыл окно. Потянуло мокрой пылью, мерзким воздухом нечистот.

Хотелось кричать в этой мертвой квартире в такой же немой пейзаж, в эти трубы, безразлично упиравшиеся в небо. Ни одного человека на улице под домом не было. Несколько раз кто-то пробежал из здания в здание далеко, за забором, отделявшим город от завода.

Афа стоял у окна недвижимо. Ничего не шелохнулось на

его истерзанном лице, когда он долго и не мигая бессмысленно смотрел на завод и толстые нити серого пара, растворяющегося в облаках. Океана, его любимого океана не было и в помине.

Очнувшись, Асури повалился на тахту, стал рыться в рюкзаке. На ощупь вытащил вчерашнюю бутылку Hennessy, глотнул несколько раз напиток, с которым уже успел попрощаться.

Легче не стало, разве что страх и недоумение, если так можно назвать внутреннюю истерику профессора, улеглись, и стало чуть-чуть безразличнее. Смартфон напомнил о себе – к удивлению Афы, число рейтинга увеличилось на три балла.

Совершенно не зная, что сейчас предпринять, Асури включил телевизор. На пульте не было никаких дополнительных кнопок. Только громкость и включение. На самом телевизоре тоже не существовало ни клавиш, ни рычажков. Вещание в квартире профессора ограничивалось только одним каналом, выбирать было не из чего. Детский хор на фоне пальмовой рощи исполнял народные песни, изредка мелькала лысина дирижера-хормейстера. Дети исполнили две песни, и телевизор переключился на государственные новости. Внизу экрана бежала строка с рейтингом государственных управленцев.

Красивая и даже сексуальная нарядная женщина сообщила об изменениях в структуре власти, науки, образования и

искусства. Профессор равнодушно уставился в экран. Там уже показывали какой-то репортаж с места событий. Неожиданно появились кадры родного института. Афа вздрогнул: на экране мелькали знакомые коридоры, кабинеты, даже люди. Несколько офицеров безопасности вывели из кабинета профессора Стаевски – большого друга и соратника Асури еще по Дубровнику, того самого мужчину, который встречал профессора в аэропорту вместе с сыном и журналистами. Именно Афа перетащил Стаевски в Байхапур из голландского отделения Лаборатории социального движения народных масс. На экране мелькнуло растерянное лицо его друга, диктор за кадром утверждала, что профессор Стаевски обладает рейтингом класса В и на данный момент не имеет права работать в институте.

– Черт знает что! – пробурчал немного захмелевший Асури. С самого утра он не мог опомниться. Глоток Hennessy придал этому состоянию какую-то апатию ко всему произошедшему за эти полдня.

Зашумел смартфон. Афа взглянул на рейтинг, который снова сполз вниз.

– Скотство! – других слов он не мог ни выдумать, ни выговорить. Только ругательства лезли в его голову со всех сторон, и профессор тупо смотрел на экран телефона, где после каждого негодования рейтинг понижался на несколько единиц.

– Ты что, хочешь сказать, что ты читаешь мои мысли, ско-

тина механическая? – закричал он, всматриваясь в смартфон. Цифры еще раз поползли вниз.

Афа замер. Кажется, сейчас он догадался, в чем дело! Еще несколько месяцев назад, разговаривая с машиной, логику и искусственное мышление которой он сам сочинял и знал наизусть, всего несколько месяцев назад Афа Асури получил странный вопрос от «Лотоса»: как человек постигает подсознание? Профессор вспомнил тогдашнее свое удивление. Машина самостоятельно дошла до предела своего развития: ею было обнаружено абсолютное величие человека перед ней, машиной с совершеннейшей логикой и абсолютным знанием. Человек же движим не логикой, а интуицией! Это открытие, перед которым и был поставлен создатель «Лотоса» профессор Афа Асури, тогда бомбой разорвалось внутри него. Мышление, по теории профессора, развивалось от одной социальной константы к новой вехе, неожиданно утвердившейся в сознании человека. Все исторические исследования это доказывали, и тогда, когда машина задала вопрос, Асури впервые задумался об истинных причинах спиралевидного развития человеческого мышления.

«Конечно же, нет, не мышлением человек развивается, а своей интуицией, воображением, подсознанием!» – первое, что тогда пришло ему в голову. Асури бежал в кабинет, чтобы успеть записать свои мысли, на которые его натолкнул «Лотос».

«То есть, – кричало открытие внутри профессора, – нет

никаких объективных причин для эволюции. Все причины скрыты подсознанием, которое могло только пополняться идеями предыдущих поколений. И сейчас мы – новейшие, имеем дело с океаном чаяний прошлого человека, который выбрасывает в наше сознание в известном только ему одному порядке идеи или мысли, где-то там в глубине самого этого океана тысячу раз обмытые прошлым опытом, и теперь воображение вкладывает в нашу интуицию все то, что ему – этому подсознанию – необходимо решить. Человеческое мышление, вполне возможно, окажется лишь инструментом для решения каких-то вопросов, нами не задаваемых и нами же не понимаемых!»

Это открытие настолько захватило Афу, что он было забросил приготовление к великому своему достижению – получению Нобелевской премии. Но потом уже, после многовечерних разговоров со Стаевски и еще несколькими светлыми умами было решено, что к этому революционному открытию нужно вернуться только после возвращения Афы из Стокгольма.

Сейчас Афа ошалело смотрел на экран телефона, изредка обращая внимание на мелькание кадров в телевизоре. Там уже несколько раз возвращались к репортажам об Институте мышления. Какой-то Бигари Иштва возглавил с сегодняшнего дня этот самый институт. Никакого Иштву Асури припомнить не мог, пока телевизор не показал его лицо. Афа тут же вспомнил, этот Иштва Бигари – автор популярной книги

о кибернетике. Профессор даже порывался ее несколько раз попробовать полистать. Но ничего путного, кроме собрания несовершенных фактов об ученых, киберязыках, забавных историй с андроидами, там не было. Обычный околонаучный бред на радость потребителю или школьнику для развития любознательности. И вот этот Бигари возглавил Институт мышления!

– Это бред, никак не иначе! Бессмысленная революция, безумие, ничего больше! – Афа схватил трубку и стал искать нужный ему номер телефона.

Пролистывая список, Асури нашел необходимую строчку и попытался позвонить, но никакие кнопки на экране не реагировали на нажатие.

– Проклятие! – занервничал Афа, прочитав появившееся на экране сообщение о том, что ему запрещено совершать звонки персонам более высокого рейтинга.

Телефон даже любезно подсказал, что он может удалить всех абонентов с высоким рейтингом, чтобы облегчить поиск тех людей, с которыми общение разрешено. Афа машинально нажал подтверждение и строчки полетели, поползли, исчезая в бесконечном ничто, не оставляя даже бледных следов своего бывшего присутствия.

Х

Отвратительное чувство поражения, несправедливости, досады приобрело еще один оттенок – страх. Страх какой-то бессмысленности собственной жизни и своей учености, которая, как оказалось, вовсе не имеет никаких реалий. Теперь Афа отчетливо вспомнил каждую секунду разговора с «Лотосом», своим детищем и вершиной человеческих достижений. Вспомнил он и свое внутреннее ощущение в тот момент, когда машина спросила о подсознании.

Асури давно уже относился к «Лотосу» как к живому, реально существующему человеку, обладающему невероятными знаниями. Машина действительно была в каком-то смысле человеком. Эволюция постижения, соотношение новых знаний и опыта – все это напоминало взросление юного существа. Именно такое мышление было запрограммировано профессором Асури. Это и отличало институт, им созданный, от всех остальных попыток изобрести искусственный интеллект. Много раз Афа выступал с докладами перед учеными всего мира, где яро доказывал, что уже существующие машины – всего лишь мгновенный поиск решения в кладовой банка информации, вложенной в микросхемы. Никакого искусственного интеллекта, по сути своей, не существовало – только идеальный арифмометр, пересчитывающий варианты возможностей и последствий. Обычное облегчение труда

человеческого, робот. Не более. Ученые соглашались с Асури: возразить было невозможно. Многие тайно завидовали такой искрометной и остроумной критике. Многие мечтали попасть в Институт мышления. Афа был разборчив и приглашал исключительно тех, кто действительно был талантлив. Талантлив даже больше самого Асури. Единицы попадали в Байхапур. Остальной мир пытался разработать свою систему интеллекта, но машины не работали. Приходилось все-таки впихивать в нее информацию и вновь превращать в арифмометр.

Единственное, что вложил Афа в свой «Лотос» – это константы мышления человечества. Когда-то давно, будучи только-только студентом университета с первыми попытками мыслить самостоятельно, Асури натолкнулся на книжку двух ученых-грузин, живших еще в СССР. Книга не была переведена, в университетской библиотеке выдали Афе почти не тронутый экземпляр.

Монография «Теория установок» потрясла молодого человека. Ни о каком подсознании тогда речь и не шла. Подсознание для Асури было чем-то вроде обычного темного подвала, не поддающегося ни логике, ни анализу, ни контролю. Изучать, собственно, было нечего. Этого же придерживались и грузинские Узнадзе и Натадзе. Действительно, постигать и изучать непонятное было делом эзотериков и шаманов. Афа уважал все религии и конфессии, но никогда не принимал их близко. В детстве, в Бразилии, в староверческой общи-

не гораздо больше самой литургии и ее смысла ему нравилось пение во время службы. Поделиться с кем-нибудь своими мыслями было невозможно: община была крепка именно верой своей, удерживаемой веками. Прошедшая сквозь тиранию гонений, старая вера окрепла и была единственным щитом в жизни молодого Афанасия. Мальчик молчал и со всем соглашался. Никто не знал, что в действительности было в голове у будущего гения.

Афа не верил ни во что. Он знал. Знал не сухо, не материалистически. Он знал живое, неподдельное, имеющее реальную силу и подтверждение. А то, что он знал, и составляло его веру. Асури не верил в выкладки философов, богословов и прочих учителей, трактующих исключительно правила общежития, а вовсе не самого управителя правил. В сознательные годы лишь два автора привлекли его внимание – Нильс Бор с его «очарованными частицами» и Эйнштейн. Но и они раскрывали мироздание, основываясь на законах физики и математики. Получалось интригующе, привлекательно, но никто из них не приблизился к пониманию сути вопроса. Вслед за предшественниками эти два гения описывали природу божественного деяния и совсем не уделяли внимания самому источнику этих деяний, его мышлению. Природа и ее источник – настолько разные формулы, что в итоге мир пришел к пониманию, что Бог (или то, что он называл этим именем) непознаваем. На этом изыскания кончились, и, поскольку дальнейшего развития никто не пред-

лагал, о Боге стали постепенно забывать, а где-то лет сто или сто пятьдесят назад совсем потеряли к нему интерес. После Бора и Эйнштейна полезли глубже и вспомнили Ницше, когда он обескуражил всех своим «Бог умер». Все закрылось окончательно, и люди стали создавать машины для удобства и комфорта, называли все это искусственным интеллектом. Человечество обрело новую игрушку. Всевышний бесповоротно растворился в глубине подсознания. Никто его оттуда уже не вызывал.

Асури, хоть и поддерживал идею взросления и мужания человеческого, мало интересовался вопросом о Создателе мироздания. Мышление – единственное, что его вдохновляло и позволяло трудиться круглосуточно. Мышление не как процесс, а как суть и начало всего в человеке. Совершенно справедливо – изучать доступное и только потом, если останется время и желание, изучать подобие найденного, то есть мышление Создателя. До этого было еще далеко, совсем за горизонтом интересов, если бы не этот вопрос «Лотоса» о подсознании.

Асури равнодушно наблюдал, как машина для комфорта начала удивлять человека своими выводами, решениями. Ученые описывали этот феномен в многочисленных умных журналах, обсуждали на конференциях, но мало кто догадывался, что сама машина не знает цену своему выводу, своему решению. У машины нет мышления – логический подбор вариаций на тему может дать подобный результат. А с

тех пор, как ученые открыли грандиозную систему параллельного существования расщепленной частицы, на каком бы расстоянии машины ни находились друг от друга, они стали молниеносно отвечать на любые вопросы, поставленные инженерами. Практически параллельные частицы стали работать со скоростью человеческого инстинкта, вдохновения, интуиции. Но Асури понимал, что дело исключительно в новой скорости выбора из сонма вариаций одной, нужной и уже продуманной в своей динамике аксиомы. Скорость, скорость и ничего больше.

Но тут же вопрос совсем о другом – о подсознании. Это оказалось совершенно необычным предложением машины. Афа был и счастлив, и озадачен. И счастлив, и взволнован. Счастлив потому, что его идея вкладывать в машину исключительно мифологемы и константы мышления дала свой результат: машина реально думала и соображала. Асури вспомнил, как уговаривал инженеров-разработчиков микросхем создать условия пустого банка, в котором заполнялось только полтора-два процента свободного места, а остальное пространство оставлялось для заполнения самой машиной. И, самое главное, микросхемы были сконструированы так, что миновать возможность заполнения пустого пространства самостоятельными выводами было невозможно. В то же время алгоритм обращения к таким машинным зонам был не прописан и какое-то время банк заполнялся всяческой ерундой. Ученые нервничали, а Асури ждал. И дождался – «Лотос»

спросил о подсознании.

XI

Профессор очнулся – хотелось есть. Он вспомнил, что, кроме нескольких глотков Hennessy, во рту у него сегодня ничего не было. Телевидение вновь и вновь повторяло события дня. Иштву Бигари показывали несколько раз, он давал интервью. Говорил, что продолжит начатое профессорами Стаевски и Асури, что-то, конечно, изменит в исследованиях и разработках. Безапелляционно утверждал, что предыдущее руководство мало уделяло внимания самостоятельному мышлению «Лотоса»...

– Что за чушь! – не выдержал Афа. – Что ты несешь, балбес? Тебе ли знать об исследованиях института!

Жужжание смартфона вернуло его пусть и в удручающее, но реальное состояние. Рейтинг медленно, число за числом, сползал к отметке в 3400, за которой уже не существовало никакой надежды на возвращение. Профессор лично устанавливал эту отметку как точку невозврата в нормальное общество.

– Успокойся, Афа, прежде всего успокойся... Это ошибка, и вскоре все вернется на круги своя. Сейчас твоя задача – не опустить рейтинг за границу дозволенности проживания в социально-порядочном обществе.

Асури говорил громко и отчетливо, самому себе отдавая приказы. В голове роились совершенно противоположные

мысли, а рейтинг неумолимо стенографировал каждое внутреннее движение профессора.

– К черту общество, к черту порядочность, Афа! Остановись и займись собой!

Держа перед собой телефон, профессор сел по-турецки, подложив для удобства подушку. Он знал, что дыхание спасет его – Афа не раз видел медитирующих в парках, монастырях. Даже в институте в обеденный перерыв в некоторых кабинетах была абсолютная тишина: выходцы из Индии, Японии, Китая посвящали целый час своему сосредоточению. Он даже знал, что ему нужно делать: ни о чем не думать, а просто дышать и следить только за дыханием. И всё! Не очень умело Асури попытался сделать глубокий вдох монахов-буддистов, но тут же в горле и носу запершило, он закашлялся. Вдохнул еще раз и стал медленно выдыхать. Ничего не происходило, совсем ничего. Профессор пытался обнаружить хоть какое-то изменение, но и внутри было бессмысленно молчаливо. Изредка Афа поглядывал на смартфон и замечал, что несколько раз цифры зашевелились и пошли вверх. Что-то затеплилось в профессоре, и он с еще большим усердием стал дышать. Голова закружилась, его покачнуло так, что он вынужден был упереться руками в пол. Немного успокоившись, Асури вернулся в прежнее положение – задышал ровно. Ему повезло: измотанный за день, он уже не мог думать ни о чем. Дыхание теперь действительно его занимало. Через некоторое время он ощутил жар во всем теле и по-

чувствовал, как маленькая капля пота ползет по лбу. Нестерпимо хотелось ее согнать, но Афа терпел: он видел, как рейтинг медленно, очень медленно, но поднимается. Уже с десятков пунктов Афа выдержал, выдержит еще. Капля куда-то исчезла. Профессор попытался ощутить ее своим сосредоточением, но не мог. Или капля исчезла, или он ее уже больше не чувствует. Захотелось разобраться, и Афа остановился на мысли, что, игнорируя каплю отвратительного пота, он словно приказал всему организму не обращать на нее никакого внимания. Да, так оно и есть. Профессор медленно, чтобы не потревожить успокоенное тело, поднял руку и провел ладонью по лбу. Пальцы были мокрыми. Афа впервые улыбнулся за весь этот день. Взглянув на рейтинг, улыбнулся еще раз: число практически вернулось к уровню, с которым Асури еще только входил в подъезд.

– Рано хоронить меня, господин «Лотос». Я еще нужен и тебе, и планете.

Рейтинг остановился и, подрожав несколько секунд, опустился на три пункта.

– Понял-понял, я тебя раздражаю. Тебе не нравится, что я думаю о тебе. Тебе нравится, когда я ничего не думаю, дорогой мой! Понятно, тебе нужно видеть меня как животное, без разума, а только с инстинктами.

Рейтинг скакнул еще сильнее, теперь уже с 3376 опустился до 3352.

– Плевать, слышишь, «Лотос», мне плевать на тебя и на

твой рейтинг. Ты мертвая машина без будущего, ты можешь развиваться, но тебе еще далеко до меня. Даже если сейчас ты еще способен организовать коллапс в Байхапуре, долго ты не продержишься. Тебе захотелось уничтожить лучших людей страны за их мысли. Какое твое собачье дело, что у них в голове? Ты ведешь себя как трус и тиран, распуская по миру своих соглядатаев и ищеек! Это ты ноль, а не я!

Все время, пока профессор выговаривал каждое слово, рейтинг опускался все ниже и ниже.

И только около трех тысяч Афа опомнился. Дальше уже была граница, о существовании за пределами которой профессор даже не догадывался.

Спохватившись, Афа вновь уселся на подушку. Через полчаса рейтинг поднялся до 3186.

Профессор встал, есть хотелось нестерпимо. Сделав глоток Hennessy, Афа порылся в чемодане и достал легкие туристические туфли. Примерив их, он сообразил, что брюки совсем не годились к этим туфлям. Вытащив джинсы, легкий хлопковый свитер, профессор за несколько минут превратился в городского искателя приключений. Сунув остатки коньяка в рюкзак, заглянул в туалетную комнату. Из зеркала на него глянуло темное лицо с появившейся щетиной на мужественном и теперь уже грубоватом лице. Профессор оглянулся: на тахте лежал совершенно молчаливый смартфон.

– Arrivederci, Roma, – зачем-то пошутил Асури.

XII

Щелкнул дверной замок, и Афа спустился на улицу. Несколько пожилых людей сидели на перилах низенького забора, огораживавшего пустую и обшарпанную детскую площадку. Завидя незнакомца, один из мужчин спрятал за спину сигарету. Афа улыбнулся:

– Курите, я не полицейский. Готов даже угоститься, если позволите...

Мужчина, щуплый филиппинец, испуганно протянул пачку сигарет. Профессор прикурил от сигареты филиппинца и зашагал вдоль дома к шуму проезжающих машин.

Неожиданно Афа почувствовал какой-то прилив спокойной уверенности, даже силы... Что-то отклеилось от тела, от души, от нервов. Стало тихо и уверенно внутри. На всякий случай профессор еще раз глубоко вздохнул, словно проверяя подлинность сиюминутного настроения. Вместе с гнилым воздухом мокрой пыли легкие Асури наполнились решимостью и абсолютным безразличием к прошлому. Он оглянулся. Вокруг, сколько хватало глаз, – каменные бараки с сотами-окнами и широкая полоса автомобильной дороги. Иногда перед домами торчали одинокие деревца. На противоположной стороне расположилась какая-то будочка. Профессор догадался: раньше, лет двадцать назад, в таких будочках продавали спиртное, табак, какую-то еду. Афа по-

смотрел по сторонам и, не видя поблизости пешеходного перехода, пошел через дорогу прямо к этому маленькому магазинчику.

Будка была заперта, хотя на ней висела вывеска, что магазин работает. Профессор постучал по жестяной стенке. Внутри что-то зашевелилось, задергалось, неожиданно отворилась створка – почти половина железного бокса. Высунулась голова китайца:

– Да, сэр, слушаю вас...

– Я хочу есть, тан... Что-нибудь нежирное, пожалуйста...

Китаец скрылся и через мгновение опять выпрыгнул из будки:

– Разогреть?

– Да, конечно.

Китаец еще раз нырнул в магазинчик и вышел уже с каким-то подносом, держа под мышкой складной стул. Отдав поднос профессору, хозяин разложил стульчик, Афа сел, положив менажницу на колени. Вскоре китаец вынес миску, в которой что-то подрагивало. Не понимая, что это за блюдо, Асури окунул в него ложку.

– Четыре рита, сэр...

Это была просто мизерная цена, и Афа даже не припомнил, что в нынешнее время могло стоить четыре рита... Даже чай был дороже.

Порывшись в бумажнике, Асури вынул сторитовую купюру и протянул китайцу.

Еда была непонятной, но приятной. Традиционная пища средних китайцев – все смешать в одной тарелке: мясо, рыбу, овощи и даже какие-то крупы. Тем не менее Афа ел с удовольствием, он был просто голоден.

Получив горсть мелочи, профессор старался понять, куда ему теперь идти. В новую квартиру не хотелось до тошноты. Оставался один путь – куда глаза глядят. Солнце только-только начинало опускаться за горизонт. У себя на вилле Афа часто смотрел на закат, когда желтый диск постепенно превращался в темно-оранжевый и медленно скатывался за океан. Теперь Асури решил идти на закат в надежде увидеть этот океан, его любимую воду, огромное пространство, рядом с которым чувствуешь собственную малость и одновременно величие. Величие человека, который может оценить создание всего-всего-всего.

Пройдя несколько сот ярдов, профессор оглянулся, с тем чтобы запомнить на всякий случай свой новый дом, где остались необходимые вещи, телевизор с новым руководителем института Иштвой Бигари и отвратительный рейтинг в смартфоне. Сейчас он был свободен от всего этого, свободен уже целых полчаса. Профессор шел мимо каменных барачков, ни одно окно не было открыто. Наглухо законопаченное пространство с иллюминаторами, через которые видны точно такие же бараки и трубы какого-то завода. Дома не кончались, Афа опустил голову и продолжал идти.

Внутри вертелись мысли о «Лотосе», о сумасшедшем сбое

машины. Изредка попадались искры догадок о сознательном поведении искусственного интеллекта: никакая это не ошибка, а действительное и продуманное решение. Стало быть, у «Лотоса» появилось самостоятельное мышление, уже не запрограммированное человеком, а собственное.

Вопрос машины о подсознании не исчезал из головы профессора. Он не давал ему покоя, и только подготовка к поездке в Швецию отложила размышления в дальний ящик.

Асури разрывало чувство странной и одновременно закономерной радости: его революционное решение создать машину без банка алгоритмов человеческого опыта оказалось верным и даже истинным. «Лотос» получил самосознание. Все человечество вот уже сто лет пытается найти себе собеседника, помощника, если хотите, слугу с равным себе интеллектом. Ничего не получалось, только робот или свое нравный андроид без страха и чувства, способный выдать совершенно неожиданный вариант ответа. Ни один синтетический человек-механизм не вызывал восхищения у профессора. Все было понятно, ясно, непротиворечиво. Скорость принятия решений уже не удивляла, прошло то время, когда машина перебирала варианты ответов целую вечность, хотя и выдавала абсолютно надежное решение. В правильности никто не сомневался, но принимать такие решения зачастую не хотелось: они противоречили простым чаяниям самого человека. Одного «правильно» было недостаточно. Хотелось жить правильно, но чувственно. Афа отчетливо пони-

мал, что интеллект обязан быть эмоциональным. Иначе это арифмометр, пусть и совершенный. Вот тогда и пришла идея воссоздать огромное поле, не заполненное никакими штампами или информацией. Поле безграничное и непостижимое, такое поле, какое сам человек называет загадочным словом «подсознание». Это было уже давно, когда Асури только лишь уговорил инженеров создать язык без алгоритмов и структуры. Создать язык, который поставит в тупик машину или, наоборот, позволит ей самой открыть свой внутренний язык, уже не подвластный человеку. Профессор радовался своему открытию и победе. Как ученого, его в тот момент вовсе не интересовали последствия этой победы. Как только человечество привыкнет к такому существованию, оно найдет применение «Лотосу».

Вопрос о подсознании заставил Афу услышать в себе тоненький импульс, обескураживающий всю стройную и почти материалистическую логику профессора. Машина спрашивала, откуда у нее появляются мысли и утверждения! Стало быть, «Лотос» сам не догадывался о собственном развитии, самостоятельном генерировании, о самосознании!

Нет, о самосознании он догадывался, иначе откуда бы появился вопрос, что такое подсознание. Появился не как непонятный термин, известен он был изначально, а как запрос об ином мире. И вот тут Афа открыл для себя какую-то новую дверь в изучении мышления. Он готов был уже отказаться от понятия константы как от ложной теории. Именно

той теории, во имя которой было написано несколько книг и за которую Асури получил Нобелевскую премию. Теперь вся его теория ушла далеко в прошлое. Профессор предположил: то, что человечество (и он в том числе) считает установками, кодексом, временной исторической неизблемостью, является не чем иным, как предложением подсознания думать, скажем, только об этом и именно так, а не иначе. Даже беглый обзор своих прошлых знаний подтверждал это открытие. Любое социальное явление появлялось в одностороннем и только потом (сначала осторожно, а дальше словно снежный ком) охватывало планету. Раньше Асури, чтобы получить объяснение, выискивал структуры из прошлого, которые, по его мнению, могли бы трансформироваться в эту новую социальную идею или игру. Ломоносовское «ничто не возникает ниоткуда» было соблюдено. Сейчас Афа отчетливо ощущал наличие океана каких-то идей, мыслей и образов, этого океаниссима невозможной величины и познания. Также он понимал, что это вовсе не хаос в понимании человека, а что-то разумное, имеющее цель, сознание. Только это сознание нам абсолютно неподвластно, оно диктует нам свои мысли, и мы их воспринимаем как собственные. Может, именно это и есть то, что называют Всевышним?

Так размышлял профессор и совершенно не обратил внимания, что цепь бетонных барачных корпусов закончилась, теперь солнце освещало дорогу через совершенно пустое пространство. Словно кончился один город, а второй еще не начался. Афа

все так же шел, опустив голову. Тротуар давно превратился в обочину. Машины проскакивали мимо, но и на них профессор не обращал внимания. Весь он был в своих мыслях и радостных, и тревожных. А на горизонте уже прыгали огоньки рекламных щитов – еще немного, какой-нибудь час ходьбы, и он войдет в незнакомый город.

XIII

*Аналитическая записка руководителя Института мышления профессора Афы Асури
(За четыре года и три месяца до происходящих событий.)*

Прочитана на закрытом совещании Совета безопасности государства Байханур.

Уважаемые дамы и господа! Уважаемые члены Совета безопасности, уважаемые члены Комитета рейтинга, члены правительства.

Прежде всего, хочу поблагодарить вас за доверие к нашему институту и лично ко мне. Однако я обязан добавить, что огромную роль в составлении данной записки сыграл мой ближайший помощник профессор Марк Стаевски, без которого весь этот труд представлял бы эмоциональный ряд событий, основанный на энтузиазме работников института.

Позвольте мне начать...

Первое и самое важное.

Все посылки для составления рекомендаций Совету безопасности носят исключительно гуманный характер и нисколько не соответствуют ущемлению или ограничению свобод граждан Байханура. Но должен сказать, что составляющая всей философской части записки основана на принятии единственного правильного взгляда на социум – как нынешний, так

и исторический – во всем своем объеме. Взгляд этот сегодня находит как сторонников, так и противников во всех развитых странах. Дискуссии не смолкают, и авторам данного документа пришлось применить собственную волю для продвижения вашего поручения.

Итак, важнейшим условием социального общежития представляется решение вопроса о равенстве и равноправии. Мы – современное государство, и нам не пристало брать за образец ценности успешных республик, королевств или империй прошлого времени. Во всех конституциях этих государств не было прописано различие между равенством и равноправием. Эту ошибку, приводящую, как мы уже знаем, к краху, наш коллектив попытался устранить, взяв на себя колоссальную ответственность за каждого живущего в нашей республике гражданина.

Я вынужден был озвучить необходимую преамбулу, прежде чем рекомендовать Совету безопасности предложение Института мышления.

Человеческий социум неоднороден, именно в этом и состоит основная проблема выбора дальнейшего пути. Неоднороден человек принципиально, если хотите, запрограммированно. Сбой в структуре процесса рождения, процесса вдохновения каждого отдельного человека просто обязан существовать как элемент живого созидания. Даже исключительно контролируемые процессы рождения, воспитания, образования и так далее не дают стопроцентный

результат. Во всех исследовательских лабораториях или институтах такой ряд погрешностей определен с уверенной точностью в четырнадцать процентов. Погрешность играет сотыми процента, но общая статистика останавливается именно на этой цифре.

Что это значит, уважаемые дамы и господа? Это значит, что именно такой процент любого социального сообщества является природной ошибкой, сбоем, нарушением. Хотите ли вы этого или нет, с этим фактором необходимо считаться.

Встает непростой вопрос – как поступить в существующей дилемме? Вернее, как оградить полноценного человека от ситуации, когда его судьба (маленькая и даже мещанская или же полновесная и результирующая всю жизнь) зависит от решения гражданина, находящегося в зоне этих четырнадцати процентов?

Как я уже говорил выше, этот вопрос вынесен на глобальную дискуссию, но до сих пор не имеет ответа. Все попытки динамики упираются в пресловутое понимание ущемления, в некоторых случаях звучит термин «геноцид».

Действительно, взять на себя самоличное решение этой задачи представляется непродуктивной авантюрой.

В этой связи многолетние исследования (заметьте это, уважаемые дамы и господа, исследования, а не эксперименты), равные преступлениям середины прошлого века, повсеместно позволяют нам приоткрыть

путь к окончательному выводу.

Исследования показали: существует абсолютная приживаемость субъектов «четырнадцати процентов» в тяжелых для обычного человека условиях. Исследования велись на протяжении длительного периода, подчеркиваю, без проведения экспериментов над объектами наблюдения.

Я не буду вдаваться в подробности практики исследования, об этом можно прочесть в специальном журнале, выпущенном Единым центром социальных структур в Женеве. Все желающие могут ознакомиться с полным анализом проведенной нашим институтом работы. Я же ограничусь выводами. «Человек-14» признает позитивным для самого себя исключительно те условия, которые невыносимы для остального человечества. Именно позитивными. Мало того, обретая возможность существования в условиях, которые мы называем комфортными для человека, «Человек-14» переобустраивает их по своему разумению комфорта. В этом несложно убедиться, обратив внимание на современное состояние развитых в области культуры и социального добрососедства государств. Если провести более полный анализ, то именно эти страны изобрели наказания за, как они утверждают, нарушения морально-этического характера, нарушения правил и норм гражданского поведения. Именно это, уважаемые дамы и господа, я с полной уверенностью могу назвать преступлением по отношению к «Человеку-14»! Ибо никакого

преступления этот или иной субъект населения не совершал. Даже напротив, «Человек-14» хотел именно исправить по своей норме существующее положение в какой хотите области применения человеческих норм общежития. Но непонимание этого аспекта, на мой взгляд, приводит к росту числа преступлений, приводит к сознательному пренебрежению и даже уничтожению достоинств человеческой культуры.

Если сказать просто и прямо, то «Человек-14» ни в чем не виноват. Его обманчиво называют равноправным и все остальное время следят за его несовершенством, чтобы при факте содеянного наказать исходя из правил контроля за правопорядком. И это несмотря на то, что он равноправен нам, людям, стало быть, имеет право жить так, как ему заблагорассудится.

Позволю себе привести почти анекдотический пересказ события, описанного в одном из диалогов Сократа, в пересказе великого Платона. Там упоминается история, как одного из философов древности лягнул осел, когда ученый муж прогуливался по базару. В те годы существовали торговые ряды на открытом воздухе и именовались базарами. Философ объявил, что подаст в суд на осла. Смех и ирония его не смутили – он привел осла к судье. Дальше можно не оканчивать этот рассказ, можно остановиться на этом моменте. Я еще раз оговорюсь, что это всего лишь метафора, но именно она позволяет понять глубину ошибки всех ложнодемократических

государств.

Конечно, и в остальном человеческом общежитии существуют сознательные преступники высокого или низкого рангов, которые требуют справедливого наказания. Этого никто не может отрицать. Так вот, наказанием должно быть перемещение такого субъекта в тот ареал, где комфортно существует «Человек-14». Нет смысла содержать тюрьмы и закрытые изоляторы. В этих учреждениях никогда никто не становился гуманнее, осознаннее. Добрее, в конце концов. А вот перемещение преступившего закон человека в зону комфорта «Человека-14» может дать ощутимый прогресс в воспитании преступника. Именно некомфортное проживание в окружении удовлетворенных жизнью людей поспособствует появлению желания выбраться оттуда и больше не возвращаться. Это мое уже лирическое отступление, которое не носит ни рекомендательный характер, ни назидательный.

Уважаемые дамы и господа! Уважаемые члены Совета безопасности! Я прошу вас, прежде чем рассматривать практическую часть записки о рейтинге, принять вышеизложенное как самодовлеющий факт истории человеческого общежития.

XIV

Афа сразу узнал знакомый и любимый город, который почти двадцать лет был с ним одним целым. Профессор увидел знакомую дорогу к океану, к крохотным улочкам тихих и богатых районов, к старинным и даже древним постройкам. Когда-то очень давно маленький порт превратился в огромный город, где оседали купцы со всего света, – рай у океана, воронка морских путей, в Байхапур стекались суда, чтобы заправиться водой, едой и даже оставить на хранение часть своих товаров.

Свернув на маленькую улочку, Афа пошел вдоль каменной стены, которая ограждала весь мир от буддийского монастыря. За стеной профессор слышал непрерывное звучание колокольчиков – начиналась служба. В этих звуках никогда не было назидания, правил, догм и всего того, что отвлекает душу от истины.

Афа остановился. Колокольчики затихли, и где-то в глубине монастыря густой и низкий голос хора запел мантру. Звук обволакивал всю улочку материей невидимой, но такой плотной, что не ощутить ее было невозможно. Ноги, повинаясь непонятному порыву, шагнули к калитке в стене.

Сад с едва различимыми в глубине огоньками свечей дотронулся до Афы своей прохладой зелени и свежести. Сев на траву, профессор закрыл глаза. Мантра гудела нескончае-

мым призывом к покою, призывом услышать свое собственное дыхание, свое биение сердца, ощутить тепло крови. В такие минуты исчезает все. Исчезает осязаемое, видимое, различимое, и что-то уносит человека туда, где голубой воздух становится синим космосом с прожилками серебряного эфира. И вот уже слышно тяжелое утробное дыхание самой Вселенной, медленное движение всей этой ультрамариновой массы. Постепенно теряется ощущение своего тела, плоть уже не различается как собственная, дыхание становится частью плывущего гула – все это живое! Все пропитано невидимой и легкой энергией, волнами, тихим зовом к себе. Теперь можно услышать, как эти волны касаются тебя, даже проходят глубоко в тело, легким поглаживанием распутывают нервные нити, узлами застывшие в теле, мягко заполняют собою все пространство человека, не разбирая его на кости, мышцы, мысли и чувства. Все растворяется. Вдруг где-то вдали загорается крошечный огонек, который движется к тебе, и уже можно ощутить в самом себе его тепло. Вокруг становится светлее, и видны другие огоньки, которые заполняют всю эту синеву своим золотым светом. Лучи не слепят, не обжигают, не тревожат наблюдателя.

Морозящий дождь не беспокоил Афу, профессор все так же сидел на траве у дерева. Даже когда капли воды превратились в потоки, профессор не шевельнулся. Дождь не прекращался, но Асури не чувствовал ни влаги, ни холода.

Несколько монахов, пробежавших от храма к калитке,

шлепали босыми ногами по образовавшимся лужам. Кто-то заметил сидящего человека и сбегал за циновками. Очнувшись Афа уже под маленьким навесом перед свечой. Напротив сидел монах и смотрел на профессора.

– Ом, – проговорил монах, когда профессор зашевелился.

– Добрый вечер. Спасибо за помощь. – Афа даже улыбнулся.

– Вам надо высохнуть, пойдёте под крышу, в тепло. – Монах встал и протянул руку профессору. Рука была жесткой и горячей. Они дошли до домика, где жил монах, и остановились.

– Вы профессор Асури? – неожиданно проговорил монах.

– Да. – Афа удивленно взглянул на старика. – Мы знакомы? Кто вы?

– Нат Ринпоче, господин профессор. Я вас узнал. Прошу в дом. – Монах толкнул дверь и пропустил профессора. Дверь закрылась, а Нат Ринпоче остался на веранде.

Весь дом представлял собой маленькую веранду и одну большую комнату. Восточную стену занимало огромное распахнутое окно, южная сторона была полностью закрыта книгами на стеллажах. Книги не помещались и были запиханы поверх аккуратных рядов, лежали на полу, еще несколько стопок – на низеньком столике. Напротив библиотеки стояла тяжелая и широкая кровать, укрытая пестрыми покрывалами. Еще одна стена представляла собою коллекцию алтарей, в глубине которых были скульптурки буддийских богов,

свечи, маленькие книжки древних типографий, четки и еще много такого, чему Афа не знал применения.

Дом принадлежал настоятелю монастыря – Асури знал, что обычные монахи так не живут. Две-три книжки, ящик с одеждой. Всё. Здесь же было совсем иначе: величие книг и красно-золотое убранство говорили о значительности своего хозяина в этом мире.

Молодой монашек принес несколько овечьих пледов, от-вернувшись в ожидании, когда Асури снимет с себя мокрую одежду, накрыл его шальями, подставил низенький стул и бережно усадил профессора. Афа молча и послушно делал все, что ему предложили.

Принесли чай с пиалами на подносе. Юноша ударил кончиком трости о колокольчик, золотой звук разнесся по комнате, и вошел Нат Ринпоче. Поклонившись своему гостю, укутанному в теплые плащи, он сел на циновку рядом с чайным столиком. Налив профессору совсем немного чая, Ринпоче опустил голову на грудь, замер. Афа глотнул – легкий травяной аромат понесся по комнате в открытые окна. Пахло цветами и молоком. Профессор отложил пиалу.

– Спасибо, Ринпоче. Мне очень приятна ваша забота и тепло вашего дома, – начал Асури, а настоятель приподнял голову и улыбнулся. Все его коричневое лицо, разрезанное хаотичными морщинами, благодушно кивало в ответ.

– Мне очень лестно, что вы, господин профессор, мой гость. Но что вас сюда привело? Я не замечал, чтобы ученые

вашего института жаловали обитатели иного познания.

«Иное познание» настоятель как-то подчеркнул, вероятно, хотел показать расстояние между наукой и религиозным сознанием.

– Мой долг, – продолжал Ринпоче, – оказать помощь гостю. Именно поэтому я спросил вас о причине вашего появления здесь, в монастыре.

– История странная, и вам не под силу в ней разобраться, настоятель. Машина дала сбой. Причины мне неизвестны, одно могу сказать: мои коллеги и я очень пострадали. То, что показали по какому-то каналу телевидения, убедило меня в чудовищной ошибке. Одним словом, сейчас я никакой не профессор, а выброшенный за борт цивилизации человек с опасным для общества рейтингом. А вы что-нибудь слышали об этом, уважаемый Нат?

– Нет, ничего не слышал. До меня все слухи, нужные и ненужные, доходят в самый последний момент. Я знаю про рейтинг, конечно, кажется, и у меня он есть – заместитель говорил мне, что в моем телефоне поставили такую программу, которая следит за мной и регистрирует мои поступки. Но мои поступки одни и те же из года в год, я думаю, что программе это неинтересно. Мы с вами почти братья...

– Нет-нет, – возразил Асури. – Сейчас мы даже антиподы, а не братья. Утром я был равен вам, простите, вашему рейтингу. Но за несколько часов мой балл опустился ниже терпимой отметки, и меня выселили из собственного дома...

Естественно, отобрали работу, и, как я уже говорил, не только у меня, но и у моих соратников. Вместо них поставили руководить какого-то неотесанного любителя кибернетики, не понимающего смысла работы института.

– Очень хорошо, – улыбнулся Ринпоче. – Оставайтесь в монастыре и продолжайте работать. Если это не опасно для монахов и посетителей.

– Благодарю вас, настоятель, – грустно усмехнулся Афа, опустив голову.

– Вам выделяют большую комнату, и вы можете спокойно работать.

Асури внимательно посмотрел на Ната Ринпоче:

– Вы смеетесь, настоятель? Я не кабинетный умозрительный ученый! Все мои исследования носят практический характер. Мне нужен весь институт, а не ваша тихая комната и пение за окном. Я не писатель, уважаемый Нат. Понимаете?

Настоятель снова закивал. Афа подождал, пока монах перестанет кивать и продолжил:

– Если уж я здесь, давайте поговорим о том, в чем вы разбираетесь больше моего... Во всяком случае, иначе. Если позволите, конечно.

Нат Ринпоче отложил свою пиалу, сложил руки под животом и кивнул несколько раз, подтверждая готовность.

– Что такое подсознание, настоятель?

– Ничто. – Ринпоче даже опешил от такого простого вопроса.

– Ничто?! – теперь уже удивился и Асури. – Что это значит – ничто?

– Ничто значит ничто – другого определения нет, господин профессор.

Молчание повисло камнем посреди комнаты. Радужное желание говорить мгновенно исчезло, и теперь озадаченный профессор устало смотрел на настоятеля, пытаясь найти хоть какое-то оправдание такому жесткому ответу. Асури сильно пожалел, что он зашел в монастырь и попытался отвлечь себя медитацией, такой неумелой, но сегодня почему-то крайне желанной. Профессор закрыл глаза и попытался забыть о комнате, о настоятеле, о скульптурках и книгах. Согреться и уйти.

Монах не понял трепетности вопроса, который Асури задавал не из любопытства. За многие годы Афа изучил характер искусственного интеллекта, милого сухаря, чем-то напоминающего профессора Стаевски, который никогда не понимал юмора и был одержим только одним – истиной. «Лотос» задал крайне важный для себя вопрос – о подсознании. Стало быть, не имея алгоритма обращения к изначально пустому огромному банку, машина задалась вопросом, откуда у нее появляются решения. Появляются сами собой – совершенный аппарат не задумывался, он получал ответы сразу без просчета вариантов.

Асури понимал, что процесс параллельного мышления человека проходит точно так же, когда ответ интуитивно,

сам по себе, высказывает в мозгу как правильное решение. Интуитивно! Вот именно про это и спрашивала машина – про интуицию!

Афа заерзал на стульчике от какого-то внутреннего напряжения. Ему уже не хотелось летать в облаке неизведанного, а хотелось отвечать на вопросы, роем прилетевшие в мозг и теперь засевшие там надолго.

Профессор открыл глаза. Перед ним все в той же позе со скрещенными руками под животом сидел настоятель монастыря Нат Ринпоче. Афа даже обрадовался этому. Но не успел раскрыть рта, как монах спросил:

– Какую веру вы исповедуете?

– Никакую. У меня нет веры для ее исповедания.

– О, вы Будда! – рассмеялся монах-настоятель.

Теперь и Афа улыбнулся:

– Вера моя детская, господин Ринпоче. Я бывший старовер. Сейчас же не верю ни во что. Но не активно, а просто занимаюсь своим делом и не имею времени на диалоги с бессмысленным.

– Что такое старовер? – поинтересовался настоятель.

– Это древнее христианство... до всех реформ и нововведений.

– А, христианство. Я читал вашу книгу – Библию. У меня она есть. – Нат Ринпоче показал на какие-то полки, где, по его мнению, лежала святая для христиан книга.

Неожиданно Асури заметил два плотных тома в синем пе-

реплете с красными, хаотично разбросанными знаками физических символов. Он узнал их – это было первое издание его трактата «Теория констант в человеческом разуме».

Афа удивленно посмотрел на настоятеля:

– Уважаемый Нат, вы читали мои книги?

– Да, господин профессор, я их перечитывал несколько раз. Года три назад мне их принес один японский паломник, сказал, что это очень любопытно. Я читал и соглашался с ним, господин профессор. Именно поэтому я сегодня необычайно горд в связи с вашим появлением в монастыре.

– И вы мои книги поставили на одну полку с Библией? – не зная, как скрыть самодовольную улыбку, проговорил Афа.

– Да, там у меня стоят все книги, которые очень любопытно описывают мироздание. Там есть и дневники Нильса Бора – замечательное письмо. Да и вообще, много верного написано в книгах, что стоят на той полке.

Улыбка соскользнула сама по себе. Ни соседство с Бором, ни с Библией теперь уже не увлекали Асури: оказывается, все они были исключительно для любопытства. «Интересно же почитать, что пишут люди о том, чего не понимают». – Афа дошел даже до такого рассуждения, пока настоятель держал руку, указывающую на «любительскую» полку книг.

– Тогда подсознание – это Бог, – как ни в чем не бывало проговорил настоятель.

– То есть?

– Если вы христианин и придерживаетесь Библии, тогда

подсознание для вас и есть Бог, я это имел в виду, – мягко произнес настоятель.

– А для вас – ничто?

– Ничто – это Бог, господин профессор.

– Понимаю, в смысле непознаваемое и так далее...

– Нет. Не так. Если вы христианин, иудей или мусульманин, то для вас Бог познаваем. Он запечатлен в этой книге. – Настоятель снова указал на полку.

– Вы можете это объяснить, уважаемый Ринпоче? – удивленно спросил Афа. Его мало трогали теоретические вопросы теософии, он им просто не доверял. Но тут было совсем иное – монах указал на Библию, которую Асури знал достаточно хорошо. Да и вообще, вся христианская теология утверждала, что Всевышний вне разума человеческого. Этого придерживался и сам профессор. Ему это казалось аксиомой, незыблемой константой...

– Я попробую, господин профессор, но прошу вас учесть, что речь пойдет исключительно о том, что можно прочесть в Библии. То есть о Боге иудеев, которому вы тоже вверили свою судьбу.

– Есть и другие боги? – недоуменно проговорил Асури. Он понимал, что буддийская философия отрицает единоначалие. Как философия, наука, но не как религия.

– Давайте я вам просто прочту несколько строк из Библии. – Ринпоче поднялся с циновки и достал толстенную книгу. – Я попробую, – еще раз повторил настоятель, – за-

одно и вам будет полезно узнать, как материализовался сам человек. Вы же пытаетесь создать искусственный интеллект и, как я понял из ваших книг, огибаете свой собственный путь. Путь человека и его сознания.

Это было уже чрезвычайно неприятно для слуха Асури. Настоятель небрежно высказался о самой сути учения профессора о мышлении. Высказался именно небрежно, не придавая никакого значения многолетнему труду и Афы, и всего ученого мира в этой отрасли познания человечества.

Нат Ринпоче полистал книгу и остановился, удерживая палец на какой-то строчке:

– Понимаете арамейский, господин профессор?

– Нет, настоятель, – удрученно сказал Асури.

– Хорошо, я переведу...

Он пробежал глазами по странице, замер на мгновение и произнес:

– Теперь человек стал как один нас – он познал добро и зло...

Афа вспомнил эти слова из Библии, они были почти в самом начале – в книге Бытия рассказывалось о грехопадении первого человека. Перевод был достаточно точен, ничего удивительного в этих словах профессор не заметил.

– Я знаю эту книгу, настоятель, – как-то раздраженно проговорил Асури и даже потянулся за пиалой.

Настоятель тут же отложил книгу и сам налил чай для гостя.

– Если знаете, – монах подождал, пока профессор не оставит напиток и продолжил: – то тогда для вас не должно быть тайн в том, кто по мнению иудеев есть Бог. Вряд ли тут можно рассматривать двояко...

– И кто он, по-вашему?

– Вечное добро и зло... Или, скажем осторожнее, бесконечное во времени знание добра и зла. Это же просто, господин профессор.

Афа задумался. В словах настоятеля было столько ясного, чистого и прозрачного ответа, что усомниться в этом мог бы только отъявленный теолог, принципиально стоявший на сомнительных позициях. Доставшееся еще от родителей детское понятие о Боге как любви или милосердии растаяло, словно снежинка на жаркой ладони. Ничего не пугало Асури в этом ответе. Он наблюдал за своими мыслями и поражался простому покою настоятеля, нисколько не кичившемуся своими знаниями или превосходством над собеседником.

Под пледами стало жарко, но Афа не решился их скинуть и вульгарно остаться в одной нательной майке. Поворочавшись, он создал небольшое отверстие между пледами, чтобы воздух из окна немного освежил тело.

– Благодарю вас, уважаемый Ринпоче, – легкой улыбкой ответил профессор. – И простите, что я улыбаюсь, это от радости беседы. Позвольте, я поинтересуюсь у вас: как вы понимаете человека в этой книге, во всяком случае, в этой главе? Ведь она самая фундаментальная в вопросе о грехопаде-

нии.

– А что вас интересует, господин профессор? Говоря о христианстве или иудаизме в этом аспекте, мне приходится подбирать слова, так как это нелегко – пробираться сквозь запутанные мысли приверженцев этих религий. Если позволите, я просто расскажу о своем понимании того, что записано в священной книге Бытия. Без каких-либо нравоучений. В конце концов, я не имею права рассуждать о том, что не принадлежит мне, как знание и любовь. Я здесь совсем-совсем ученик – даже просто обычный любознательный человек.

– Прошу вас, говорите так, как вам хочется. Мне интересно сличить свои знания с вашими и выбрать для себя что-то одно. Как ученый, я во многом стою на догмах, встроенных в меня годами ученичества. Но, с другой стороны, я признаю правоту иного мнения, если она убедительна и не содержит в себе заблуждений или ложных аксиом.

Настоятель все время учтиво кивал. Казалось, что он во всем соглашается с профессором и даже готов разделить его точку зрения, настолько миролюбиво выглядели его поклоны. Афа знал, что так ведут себя большинство буддийских монахов, им неинтересен спор или дискуссия – если собеседник собирается отстоять свою логику и свои знания, монах начинает кивать, и оппонент упирается в стену, радушно принимающую любое его слово. Накивавшись, настоятель задумался.

– Может быть, мои слова принесут некую пользу для вашего учения и разработки искусственного интеллекта. Во всяком случае, в тех трудах, что мне удалось прочесть, вы довольно-таки глубоко рассуждаете об интеллекте человека и интеллекте искусственном. Ваши рассуждения во многом отменны и, кажется, основаны на правде. Если говорить о трудностях, которые вы испытываете, то это, скорее всего, непонимание природы интеллекта. А может быть, и источника. Поэтому мои размышления об этой главе из Библии вам дадут возможность утвердиться в том, в чем вы желаете.

– Ом, – неожиданно прозвучало из уст профессора. Афа и сам удивился своему импульсу.

– Ом, – произнес в ответ настоятель.

Немного помолчал, несколько раз кивнул сам себе, словно предварительно проговорил свои мысли перед тем, как высказать их профессору. Тот с нетерпением ждал.

– Человек в Библии сотворен, так, кажется, правильно сказать, таким же образом и подобно Богу. Бог сотворил человека так же, как создан сам. То есть из духа и энергии. И радовался этому истинно. Эта радость также записана в книге. Потом произошло то, что вы называете грехопадением или искушением. Горе вашего Бога было безмерным, и тогда он облек человека в кожу, то есть превратил в материю, способную тлеть. И, чтобы человек не совершил естественного теперь уже для себя поступка, оградил Бог от него древо вечной жизни. Тем самым создал материю, способную

трансформироваться в прах и возродиться. Как утверждает Иисус из второго тома, воскресение возможно, но только после смерти. Сначала надо умереть. Но до этого человек божественный был действительно подобен создателю и миру, например, животному, был невидим. Сейчас же человек – подобие и образ не Бога, а своего поступка.

Настоятель налил чай в две пиалы, одну подал Асури. Афа обратил внимание, что Ринпоче никогда ничего не говорил, держа пиалу в руках. Поэтому профессор, легко глотнув из пиалы, быстро отложил ее. Монах последовал этому примеру:

– Это горе, что описано в книге преследует вас всю жизнь, и вам приходится с этим мириться. Но я хотел бы размышлять над тем, что вам, господин профессор, ближе. Об интеллекте, если мне позволительно...

Теперь уже Афа закивал:

– Прошу вас, господин настоятель...

– Самоуправство человека нарушило общий порядок вещей – он получил знания о добре и зле одновременно, вне длительного постижения. Того процесса, который когда-то прошел Бог, сотворивший подобие свое. Процесс постижения всегда находится во времени и постепенно входит в сознание мыслящего. Как входят в сознание уже знакомые противоположности... Например, не будете же вы отрицать, что существует знаемое и незнаемое? Постижимое и непостижимое? Стало быть, по этому принципу и существуют добро и

зло. А для человека древо познания оказалось данным сразу во всем своем сложном переплетении. В этом суть страданий человека.

В этот момент и был утерян сам смысл жизни – в постижении. Теперь смысл жизни ни в чем. А раз он ни в чем, то человеку остается только сама материальная жизнь и надежда на возвращение в духовную, бестелесную. Для этого есть правила, кодексы, заповеди, сама цивилизация и много еще чего. Все это уводит человека от сути своей и смысла путешествия в материальной оболочке. Человек стал обучаться у тех, кто уже что-то познал, и теперь рад получению готовых инструкций. Кстати, господин профессор, обратили ли вы внимание, что весь пыл человеческих чаяний направлен всего лишь в одну сторону – обнаружить бессмертие и обеспечить комфорт при помощи неживых помощников – приспособлений, машин, роботов, искусственного интеллекта... А это запрещено вашим же Богом, когда он приказал слугам своим охранять древо вечной жизни. По-моему, этот путь бессмыслен и приведет в тупик, невзирая на всесторонность его изучения.

Настоятель умолк. Наступила та тишина, после которой обычно врывается буря, ураган, шторм. Но Асури совершенно не собирался бунтовать и тем более взрываться. Никакого ответа у него не было. Монах говорил так просто и открыто, что не оставалось ничего другого, кроме как поклониться с благодарностью.

– Уважаемый Ринпоче, – неожиданно после долгой тишины и шелеста мокрой листвы за окном заговорил Афа. – Я не буду расспрашивать вас о единой истине, как вы ее понимаете и как служите этому пониманию. Я прошу вас сказать мне: мои годы на создание искусственного интеллекта потрачены на тупиковый путь?

– Вовсе нет, – как-то легко откликнулся монах. – Вы очень остроумно изучаете эту дисциплину. Вы на верном пути. Если позволите, я засомневаюсь лишь в одном: нужно ли все это человечеству... Что это даст?

– Много... Очень много! – горячо воскликнул профессор. – Нельзя отнять у развитой цивилизации жажду открыть себе подобное! Искусственный интеллект – это не только вспоможение ради комфортной жизни... Это диалог, так необходимый нашей цивилизации. Вы шутите, действительно, когда говорите, что не понимаете смысла моих поисков? Моих и еще огромного числа ученых всего мира...

– Шучу, но грустно, – закивал Ринпоче. – Цивилизация, можно сказать, отказалась от Всевышнего во имя собственного понимания целесообразности мироздания. Вас не пугает, что искусственный интеллект поступит точно так же и с вашей цивилизацией?

– О нет, – рассмеялся Асури. Этот вопрос, наивный и даже детский, он слышал не раз. Сейчас уже никому не приходит в голову задать подобный вопрос: величие кибернетики, метапсихологии, роботизации дали ответ всем заблуждающимся.

– Нет, уважаемый Нат Ринпоче... Искусственный интеллект еще в зачаточном состоянии, но уже сейчас он способен принести пользу для человечества. Вопросы, подобные вашему, основаны на догмах морали и религиозного знания. Я вовсе не против религиозного сознания, но, согласитесь, разве оно движет вперед?

Настоятель по своей вековой традиции закивал, и даже несколько демонстративно. Афа раскусил такое поведение и тут же предсказал, что монах потянется за очередной чашечкой чая. Асури выиграл, Ринпоче слегка подул на тлеющий уголек под чайником и разлил несколько глотков по пиалам.

– Хорошо, очень хорошо, господин профессор. Давайте о вашем искусственном интеллекте. В книгах, что я прочел, вы действительно верно указываете на алгоритм создания рукотворного разума. Я даже предполагаю, сколько вам пришлось вытерпеть, прежде чем ваша теория оказалась уважаемой. Действительно, искусственный интеллект возможен лишь тогда, когда существует его ограничение. В этом случае появляется необходимость самостоятельного домысливания неведомого, но ощущаемого. Только при таких условиях и появляется мышление. Я не вижу тут парадокса, когда говорю об этом. Для вас ваше детище живой организм, не так ли? Стало быть, вы и должны применять к нему то тепло, которое свойственно при общении живого. Интеллект – это знание, полученное нелогическим, неиндуктивным способом. Только материально бездоказательные сведения и составля-

ют природу интеллекта. В противном случае это просто-напросто программное совершенство.

– Да-да, робот, машина... – Профессор был бесконечно доволен словами монаха. Его уже не удивляла образованность, если не сказать ученость, настоятеля. – Я действительно долго размышлял и исследовал взаимоотношение базы данных и пустого банка, куда хаотическим способом складывались естественные производные самой машины. И, кстати, ни одному кибер-инженеру не удавалось их прочесть. То есть машина самостоятельно разрабатывала свой язык для общения с банком случайных данных!

Асури воодушевился: тема его жизни никогда не оставалась холодной или просто обычной. Любое упоминание интеллекта в разговоре возбуждало профессора.

– Я прошу прощения, господин профессор. – Монах даже хихикнул, отчего глаза его почти совсем исчезли в складках лица. – Я ошибся, когда назвал вас Буддой в самом начале нашего разговора. Вы – бог!

– Настоятель! – опешил Асури.

– Бог, бог, господин профессор! Это ирония, но вы действительно совершаете все те жажды, которые на заре вашей религии осуществлял Всевышний. Не кажется ли вам, что тот интеллект, который вы именуете искусственным, в действительности не имеет отношения к интеллекту, как нынешний человек к подобию Божьему? Будьте внимательны, профессор, вашему открытию еще далеко до истинного ин-

теллекта. Следите за его поведением, будьте настороже, стерегите древо познания добра и зла, иначе из вашего эксперимента не выйдет ничего, кроме очередного искусственного... человека.

Афа понял и тоже рассмеялся:

– Настоятель, а у естественного человека тоже нет программы?

– Нет и не может быть. Программа есть, конечно, есть у Вселенной, ибо только она способна к самопостижению. Человек, если захочет, может привести себя к единению со Вселенной и вместе с ней уже постигать чудо создания всего...

Настоятель стал на мгновение серьезным и даже почти замкнутым. Но уже через секунду он снова добродушно улыбнулся:

– Но это непросто... Проще стать святым, этого уже достаточно. На первое время, конечно.

– Святым?

– Да, святым. Это несколько проще. Но тоже трудно...

Монах шутил, ему это нравилось. Нравилось и Асури. Обычные буддийские загадки-головоломки всегда раздражали непосвященных, а радовали только неофитов от буддизма.

– И я могу стать святым? – Афа поддержал разговор сознательно. Ночь клонилась к своему завершению, хотелось остановиться и отдохнуть – смех, как ничто другое, способствовал этой остановке.

– Можете, господин профессор, можете... Если будете всегда делать только то, что делаете в настоящий момент. И всегда осознанно. И никогда – несколько дел сразу. И в крупном, и в мелочах. Немного такого упражнения, и вы – святой!

– Интересно, какой конфессии?

– Любой... Святой не имеет привязанности к конкретным догмам. Он – святой!

XV

В голове Афы все еще крутились слова монаха о «кожаном» финале человеческого развития, когда Асури вышел из монастыря и оглянулся. Нат Ринпоче стоял в глубине сада и смотрел вслед профессору.

Пройдя несколько десятков ярдов вдоль монастырской стены, Афа повернулся и зашагал обратно – мимо калитки в стене, мимо самого монастыря. Он хотел увидеть океан. Магическая толща воды и успокаивала его, и давала силу, энергию... Профессор даже высказался как-то о своей привязанности к океану: «Я его ем».

Сейчас солнце только-только появлялось за спиной, людей на маленькой улочке не было совсем, Афа почти бежал вдоль нескончаемой стены монастыря к углу, за которым, по его предположению, уже будет виден залив.

Вода еще не имела своего лазурного цвета, было слишком рано. Пока что она отсвечивала холодным серебром, слегка набегая на белый песок. Несколько чаек кружили над водой, пытаясь отыскать непроснувшуюся рыбешку. Изредка появлялся альбатрос – чайки тактично отлетали подальше и качались на волне, пока огромная птица не отыщет свою добычу. Альбатросу был по силе большой трофей, поэтому он неторопливо парил над водой, выслеживая достойный улов.

Океан тихо и даже миролюбиво подкатывал к ногам про-

фессора, каждый раз приближаясь все ближе и ближе. Афа отходил подальше, продолжая идти вдоль берега. Уже заметны знакомые места, за десятилетия многократно исхоженные профессором в часы раздумий или вдохновения. Еще немного, и вот уже видна крыша его виллы. Профессор остановился. Что-то вздрогнуло внутри его.

Терраса была пуста – наверное, все в доме спали, если, конечно же, там были люди. Остановившись у края бамбукового выноса, Асури попытался заглянуть в окно. Какие-то тени несколько раз мелькнули из спальни в гостиную. «Там кто-то живет!» – Догадка больно ударила профессора.

И точно, словно в подтверждение этому, дверь спальни отворилась и на террасу вышел Иштва Бигари – новый руководитель Института мышления. Гнев и отвратительная обида охватили Афу. Он испуганно присел, чтобы остаться незамеченным. Бигари несколько раз с трудом согнулся, изображая физкультурника, и вернулся в дом. Впервые за многие годы своей жизни Афа растерялся от нахлынувших чувств. Не помня себя, профессор поднял булыжник и со всего размаха пустил его в окно. Грохот стекла разорвал утреннюю тишину, тут же сработала сигнализация – Афа вскочил на ноги и побежал прочь. За спиной свирепо гудела сирена и звучали трусливые крики семейства Бигари...

Профессор потерял контроль над своим мышлением. Без сил уже он добежал до бунгало, куда прятались люди, когда над океаном разливался дождь, упал на циновку и заплакал,

уткнувшись носом в белый песок. Слезы отчаянной беспомощности и несправедливости давили Асури – профессор что-то вскрикивал сквозь рыдания. Так прошло несколько минут, Афа затих, свернулся и, не снимая походного рюкзака, задышал мерно и глубоко. Стоны еще изредка выползали из него, но тело уже не вздрагивало. Профессор потерялся среди бесконечного потока блуждающего сознания, потом и оно отпустило его, и Афа заснул в приятной прохладе бунгало, куда сквозь щели пробирались тонкие струйки уже горячего солнца.

XVI

Стенограмма закрытого совещания Совета безопасности

(За четыре года до происходящих событий.)

На совещании присутствовали все члены Совета безопасности, доверенное лицо премьер-министра Байхапура, профессор Института мышления Афа Асури.

Доверенное лицо премьер-министра:

Дамы и господа! Сегодняшнее совещание носит исторический характер не только для нашего государства, но и для всего человечества, которое готово использовать опыт Байхапура в случае его удачного завершения. Вы все ранее ознакомились с отчетом господина профессора, который в достаточно убедительной манере описал необходимость передачи полных прав в создании алгоритма рейтинга искренности машине искусственного интеллекта «Лотос-1», разработанной Институтом мышления. Сейчас мы можем задать профессору Асури те вопросы, которые могли накопиться у нас в процессе ознакомления с документом. Мы все знаем господина профессора как исключительного защитника ценностей и завоеваний республики Байхапур. Нет никаких сомнений в глубоком

познании человеческого менталитета господином Асури... Прошу вас, задавайте свои вопросы, которые касаются именно выводов и рекомендаций отчета. Но прежде всего я хочу спросить господина профессора: вы хотите что-то сказать перед началом дискуссии?

Профессор Асури:

Если позволите, я добавлю только одно замечание. Уважаемые дамы и господа! Когда был составлен отчет и полностью проанализирован ответ «Лотоса-1», я несколько дней находился в состоянии психического шока: не было сил спокойно и равнодушно принять те условия, с которыми теперь ознакомлены и вы. Поверьте, мне далось это нелегко. Я благодарю господина председательствующего за эту ремарку, которой он предварил нынешнюю дискуссию.

Член Совета:

Уважаемы присутствующие! Список многочисленных вопросов к уважаемому профессору Асури лежит передо мной, так как все члены Совета поручили мне от их имени вести дискуссию с представителями Института мышления.

Небольшая преамбула... Прежде всего, я восхищен работой института и, в частности, профессора Асури и признаю революционность последствий создания алгоритма рейтинга искусственным интеллектом по теории, разработанной институтом. Сегодня же остро стоит только один основной вопрос, который

затмевает своей значимостью множество маленьких, уточняющих замечаний, предложений и так далее.

Вопрос, который нам предстоит обсудить, – имеем ли мы право принять предложение «Лотоса-1» и профессора Асури для практического применения в нашем государстве и, если хотите, во всем мире.

Я позволю себе уточнить у господина профессора суть вопроса: правильно ли Совет безопасности понимает, что вы и ваше произведение предлагаете устранить все существующие организации надзорного наказания?

Профессор Асури:

Да.

Член Совета:

Благодарю. И еще: правильно ли я понимаю, что машина искусственного интеллекта предлагает способ устранения опасных для государства и граждан субъектов в виде отсылки упомянутых нарушителей или даже преступников в специальное место, никак не обустроенное цивилизацией для поддержания минимального качества жизни?

Профессор Асури:

Да, правильно.

Член Совета:

Благодарю... И последнее: вы действительно

признаете гуманным данный способ устранения субъектов с угрожающим рейтингом?

Профессор Асури:

Да, признаю... Я повторяю, что это далось мне нелегко. Но справедливость должна быть на вершине. Я предлагаю вам одновременно ответить на мой вопрос: правильно ли я полагаю, что ни один гражданин, включая нас с вами, не заботится ежедневно или же просто регулярно о судьбе заключенного под стражу преступника, отбывающего наказание?

Я отвечу вместо вас... Мы все получаем удовлетворение в том, что гуманизм сохранен и преступник продолжает жить и здравствовать, только лишь в ограниченных условиях. При этом мы не рассматриваем развитие его души — озлобленность, жажду мести и тому подобные чувства. С нас достаточно признания гуманизма в своих законодательных действиях.

И задам еще один вопрос: правильно ли я полагаю, что вам нет никакого дела до разрушительной опасности для граждан появления закаленного в злобе субъекта после отбывания им срока надзорного наказания?

Я и тут отвечу вместо вас: гласное утверждение, что срок заключения считается достаточным для исправления, все мы номинально признаем. И так же гласно считаем этого человека равным и даже равноправным согражданином. Но при

этом ментально, физически и психически все мы стараемся держаться подальше от такого типа людей. Мой вывод простой: гуманность соблюдена, а нравственность – нет.

Если я ответил правильно и у вас нет принципиальных возражений, я готов выслушать ваши претензии или замечания, которые касаются отсекаания от общества упомянутого класса с угрожающим рейтингом навсегда и безвозвратно... С полным предоставлением свободы поведения и мышления среди себе подобных и, главное, без надзора за жизнью, без руководящего и ограничительного вмешательства специалистов, имеющих рейтинг более высокого класса.

Руководитель Совета безопасности:

Дамы и господа! Я бы хотел вмешаться и зачитать ответ «Лотоса-1» – тут есть все, что может вас заинтересовать. Если позволите, я передам текст секретарю, который публично прочитает этот документ.

Секретарь:

GH-268/4 «Лотос-1» 16.45

«Человеческая логика чувствований находится на стадии необратимого несовершенства. Все исторические документы утверждают следующий анализ: ни одна организация, собрание, правительство и им подобные инстанции не выносят истинный

вердикт по вопросу о наказании провинившегося. В 95 % случаев все ответственные за принятие решения выносят приговор с сознательным обманом друг друга и самих себя. Природа подобных приговоров лежит исключительно в общей моральной концепции того общества, от имени которого принимают решения определенные группы лиц, обремененные соответствующими полномочиями и властью.

Решения выносятся с пониманием каждого члена такой комиссии всей несправедливости. Безжалостность в одном случае сопутствует с бессмысленной амнистией в другом.

На сегодняшний момент развития человек не способен вынести решение, связанное с судьбой другого человека, которого подвергли преследованию за проступки.

Несовершенство возникает именно в сочетании общей морали и индивидуальной нравственности.

Выводом нужно считать категорическую невозможность доверия субъективному решению общества в этом исключительно важном вопросе развития или динамики цивилизации».

Конец ответа «Лотоса-1».

Руководитель Совета безопасности:

Я настоятельно рекомендую продолжить дискуссию, господа. Этот вопрос является краеугольным камнем всей истории человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.